

**МИХАИЛ ДЕЛЯГИН**

# **СВЕТОЧИ ТЬМЫ**

**ФИЗИОЛОГИЯ ЛИБЕРАЛЬНОГО КЛАНА**



**ОТ ГАЙДАРА И БЕРЕЗОВСКОГО  
ДО СОБЧАК И НАВАЛЬНОГО**

**ВТОРОЕ ИЗДАНИЕ**

Коллекция Изборского клуба

Михаил Делягин

**Светочи тьмы. Физиология  
либерального клана: от  
Гайдара и Березовского  
до Собчак и Навального**

«Книжный мир»

2019

**Десягин М. Г.**

Светочи тьмы. Физиология либерального клана: от Гайдара и Березовского до Собчак и Навального / М. Г. Десягин — «Книжный мир», 2019 — (Коллекция Изборского клуба)

ISBN 978-5-6042521-8-5

Жизнь быстротечна: даже участники трагедии 90-х забывают ее детали. Что же говорить о новых поколениях, выросших после августа не только 1991-го, но и 1998-го? О тех, кто был защищен от кошмара либеральных реформ своим младенчеством и до сих пор молчащими от стыда родителями, — и потому верит респектабельным господам, так уверенно лгушим о свободе и демократии? Живя в стране оборванных цитат, мы не помним вторую половину поговорки: «Кто старое помянет, тому глаз вон, а кто забудет — тому оба». А она становится до жути актуальной в ситуации, когда тот самый либеральный клан, чьими усилиями уничтожена наша Большая Родина — Советский Союз, не только по-прежнему процветает, но и остается у власти, и, насколько можно судить, эффективно, энергично и изобретательно старается вновь уничтожить нашу страну — теперь уже Россию. Эти люди, по-прежнему служа международным корпорациям, могут проделать с Россией то, что когда-то сделали с СССР: взорвать изнутри, развалить на куски и скормить их своим иностранным хозяевам. Чтобы не допустить этого, надо знать в лицо тех, кто уничтожал нас в 90-е годы и с упоением продолжает свое дело и сейчас. Именно о них — творцах либеральных реформ 90-х, «нулевых» и нынешнего времени, обо всём либеральном клане, люто ненавидящем и последовательно истребляющем нашу Родину — новая книга политика, экономиста и писателя Михаила Десягина. Врага надо знать в лицо, — но намного важнее понимать, как он стал врагом, чтобы не допустить превращения в него собственных детей.

ISBN 978-5-6042521-8-5

© Делягин М. Г., 2019

© Книжный мир, 2019

## Содержание

Предисловие ко второму изданию	6
Введение	10
Суть современной истории: стратегия США	10
Судьба России: оптимизация путем уничтожения	11
Неизбежность американской неудачи	12
Предисловие к первому изданию	13
Часть I	19
Чубайс	19
«Приватизатор всея Руси»	21
Катастрофа российской энергетики	22
«Роснано»: «джентльмен в поисках десятки»?	23
Березовский	25
Золотой гранит науки	25
Свобода новых возможностей	27
«АвтоВАЗ»: трамплин к богатству и власти	28
Захват «первой кнопки»: создание медиаимперии	32
Создание бизнес-империи	33
Политическая власть: прорыв и провал	34
Конец ознакомительного фрагмента.	40

# **Михаил Делягин**

## **Светочи тьмы. Физиология либерального клана: от Гайдара и Березовского до Собчак и Навального**

### **Предисловие ко второму изданию** **В начале государственного переворота**

Второе издание книги выходит четыре года спустя в качественно новой не только социально-экономической, но и внутривнутриполитической обстановке, в которой изложенные биографии ключевых либералов России играют новыми, совершенно неожиданными четыре года назад красками.

В 2015 году Россия переживала пик надежд пусть хоть тогда уже и не «русской», но все еще «крымской» весны, – и вместе с тем пик страхов по поводу конфронтации с Западом из-за этого. Страна надеялась, что государство, воссоединением с Крымом впервые за жизнь целого поколения сделавшее что-то правильное и полезное для народа без внешнего принуждения, позволившее 2,3 миллиона человек спастись от нацистского террора, начнет и в остальном служить России, а не делу ее разграбления, – и была готова как всемерно помогать в этом государству, так и терпеть лишения ради восстановления правоты и субъектности своей Родины.

И ожидания, и опасения не сбылись: «крымская весна» стала случайной флуктуацией, временным недоразумением.

Прежде всего и жестче всего это ощутили сами крымчане, подвергнутые санкциями не только и не столько враждебным им Западом, сколько сами российским государством, – которое в лице государственных компаний (за исключением «Аэрофлота») так и не пришло в Крым, тем самым фактически присоединившись к антикрымским санкциям. Энергомост не был бы проложен без энергетической блокады нацистов Украины, водопровод так и не был проложен вовсе, паромная переправа вплоть до открытия Крымского моста была организована из рук вон плохо, а главное – так и не был наведен порядок на уровне регионального управления Крымом и даже Севастополем.

Либеральный клан не просто сохранил доминирование в социально-экономическом блоке российского государства и значительное влияние во внешней и внутренней политике: он качественно нарастил это влияние, осуществив после триумфального переизбрания Путина на последний президентский срок новый виток разрушительных реформ.

Эти реформы не были объяснены никаким внятным образом и драматически, совершенно очевидно противоречили интересам как общества, так и страны в целом.

Прежде всего, либеральное правительство Медведева провело «налоговый маневр» (опережающее повышение внутренних налогов и акцизов при снижении экспортных пошлин), обеспечивший резкое удорожание бензина в стране и разрушение рынка топлива (вплоть до вынужденного субсидирования работы НПЗ на внутренний рынок). На пике мировых цен на нефть цены бензина были зафиксированы правительством, после чего падение мировых цен на нефть уже не могло привести к соответствующему удешевлению бензина даже в теории.

Повышение НДС в условиях захлебывающегося от денег бюджета (неиспользуемые остатки выросли за январь-октябрь более чем на 3 трлн. руб. и превысили 10 трлн.) и ухудшения экономической конъюнктуры, как справедливо отмечали сами либералы, ведет лишь к дополнительному росту инфляции и торможению экономики, качественно ухудшая условия

жизни граждан. Вероятно, это и было его целью; побочной целью, похоже, было резкое (с 8 до 10 процентных пунктов) повышение доходов мафии от систематического уклонения от уплаты НДС.

Но все это могло сойти государству с рук без пенсионной реформы – наглого, циничного и не имеющего ни малейшего оправдания воровства у граждан России 5 лет жизни и более 860 тыс. руб. недоплаченной в среднем за это время пенсии. Эта кража выглядела прямым и ничем не спровоцированным оскорблением каждого гражданина, не говоря уже о прямом обмане (так как президент Путин дважды – в 2005 и 2015 году – четко и внятно говорил о ее недопустимости). Характерно, что, насколько можно судить, инициатор пенсионной реформы Кудрин, убедившись в ее проведении, немедленно заявил о ее ненужности, что убедительно свидетельствует о его профессиональной недобросовестности и стремлению к власти.

Помимо этого, важную роль в «разрушении повседневности» обычного российского гражданина сыграли улучшение налогового администрирования (обернувшееся резким усилением реального налогового бремени даже без формального повышения налогов), продолжение повышения налогов на недвижимость, повышение штрафов и платы за самые различные «государственные услуги» и хаотическая внезапная заморозка счетов граждан под предлогом борьбы с отмыыванием преступных доходов (по оценкам, только летом 2018 года было временно заморожено 600 тыс. счетов).

Единственный видимый смысл этих действий заключался в разрушении «крымского консенсуса» общества с властью, делегитимизации последней и создания атмосферы всеобщей ненависти и презрения к власти как необходимой предпосылки для государственного переворота.

Эти задачи решены – и первый, самый важный, хотя и подготовительный этап захвата либеральным кланом не только социально-экономической, но и политической власти начался еще летом 2018 года.

Важным этапом на этом пути стало назначение лидера либералов, вероятно, предназначенного на пост президента России, – Кудрина – на пост председателя Счетной палаты. Эта должность позволяет ему полностью законно и почти мгновенно полностью парализовать проверками любое ведомство России, которое вздумает сопротивляться либеральному курсу на доведение людей до отчаяния и массовых протестов, с одной стороны, или по каким-то причинам займется исполнением своих обязанностей по развитию России, с другой.

Другим этапом стал провал кандидатов власти в сентябре 2018 года на губернаторских выборах в четырех регионах, несмотря на превентивную «зачистку» всех мало-мальски значимых оппозиционных кандидатов. Даже управляя ситуацией «в ручном режиме», государство не смогло сохранить минимальных приличий, но главное – оно наглядно продемонстрировало народу силу его протеста, отлитого в отрицание навязываемых ему представителей правящей тусовки. И понимание этого проявится на выборах осени 2019 года уже по всей стране, а не только в считанных «проблемных» регионах.

Власти оказались неспособными осознать, что механизмы, призванные блокировать протестную активность и «зачищать» политическое пространство (в первую очередь пресловутый «муниципальный фильтр» на выборах губернаторов), в условиях разбухшего ими недовольства, напротив, способствует радикализации протеста и выталкивает его за пределы правового поля. Хотя, вероятно, для либеральных инициаторов государственного переворота это является целью.

Очевидная импотенция управления внутривнутриполитической жизнью России открывает либеральному клану дополнительные возможности, – если просто не является частью его усилий.

Вероятная перетряска правительства Медведева (с заменой его самого, – скорее всего, на Собянина в качестве наиболее вероятного преемника президента Путина) не изменит ситу-

ацию принципиально, так как сохранит общий баланс мнений и интересов. Более того: такая замена лишь усилит либеральный клан, так как Собянин, в отличие от Медведева, является действительно эффективным руководителем, причем не тактического, а стратегического плана.

Интеллектуальная импотенция направляемых Западом либералов ярче всего проявляется в их неспособности осознать невозможность возвращения в вожделеемые ими и лютые для всей остальной России 90-е годы. Тогда им действительно принадлежала вся власть в ее неразделимой полноте, а не только контроль над ее отдельными сегментами и блоками, – однако тогда Запад, шокированный распадом Советского Союза, боялся расчленения России как ядерного государства.

Сегодня его объективная задача заключается в уничтожении России как таковой по целому комплексу причин.

Прежде всего, это выявившаяся экзистенциальная, ценностная несовместимость. Информационные технологии, преобразуя сознание человека, позволяют менять его поведение на глубочайшем, инстинктивном уровне, – а, меняясь, человек начинает по-другому потреблять и открывает новые рынки, ценность которых в условиях глобального кризиса абсолютна. Идя за прибылью, Запад начал стимулировать гомосексуализм и другие сексуальные отклонения (которые стали попутно инструментами формирования новой элиты и способом сокращения человечества), – а русская цивилизация внезапно оказалась слишком гуманной для того, чтобы вообще рассматривать всерьез такую возможность.

На стратегическом уровне выживание США требует, чтобы весь мир платил за их потребление, одалживая им свои капиталы на нерыночных условиях. Для этого мир не должен иметь других приемлемых возможностей инвестиций и должен быть смертельно испуган: США должны стать единственной «тихой гаванью». Для этого весь остальной мир должен быть погружен в хаос – и сегодня пришло время России не только как ядерного государства, но и как страны, трижды (на Украине, в Турции и Сирии) остановившей расширение хаоса (что привело в США к политическому поражению наиболее последовательных апологетов концепции «расширения хаоса» по главе с Хиллари Клинтон).

Для американских патриотов по главе с Трампом главным врагом является Китай, – а Россия, отказавшись от Украины, отказалась тем самым и от возможности создать свой устойчивый макрорегион в распадающемся мире и объективно поставила себя в положение, как говорят китайские аналитики, «надежного тыла великого Китая в его противостоянии с американским империализмом». И в рамках этого противостояния, по американской логике, этот тыл должен быть уничтожен.

Наконец, с сугубо коммерческой логики кризис – это время, когда бизнес лишается возможности получать привычную прибыль ростом доходов и начинает пытаться получать ее снижением издержек. А Ливия и Сирия показали даже для самых ограниченных политиков, что самый сильный полевой командир продает нефть в разы дешевле, чем самое слабое, самое ничтожное государство. Значит, с точки зрения снижения издержек Запада (и Китая) в глобальном кризисе в России должны быть полевые командиры, а не государство.

Таким образом, сохранение целостности России прямо противоречит интересам Запада, контролирующего отечественных либералов. Это Украину он стремится любой ценой сохранить целой как ледокол против России; наша же Родина в идеальной западной картине мира подлежит уничтожению, и либералы, причем в первую очередь находящиеся во власти, являются идеальным инструментом достижения этой цели.

Такова общая ситуация и перспективы России в момент второго издания книги, которую Вы держите в руках.



Полезного чтения (понятно, что оно вряд ли может быть приятным) – и успешного преобразования России в горниле предстоящего кризиса вопреки либеральным козням и западным замыслам.

*Михаил Делягин,  
январь 2019,  
Воронеж*

## **Введение**

### **Либеральная миссия в современном мире: уничтожение Китая и России**

#### **Суть современной истории: стратегия США**

Основными действующими силами современного мира (наиболее мощными, способными осознавать свои интересы и действовать стратегически, для достижения долгосрочных целей) являются глобальные монополии и американское государство как их организационная структура.

Современный кризис вызван загниванием глобальных монополий и принципиальной безответственностью выражающего их интересы глобального управляющего класса, который слишком силен, чтобы зависеть от кого-то ввне себя.

Непосредственно кризис проявляется нарастающей нехваткой спроса. Для борьбы с ним глобальные монополии и являющиеся носителем их целей и интересов США стремятся:

- расширить свои рынки при изгнании с них не принадлежащих им корпораций других стран (прибыль должна стать исключительной привилегией глобального бизнеса);
- уничтожить либо подчинить конкурентов, чтобы превратить их активы в свои ресурсы;
- при помощи новых технологий управления социумом перейти от экономики денег к «экономике технологий», в которой власть непосредственно определяется технологиями;
- сократить издержки до предельно возможного без дестабилизации системы минимума.

Деятельность по достижению этих целей – основа современной истории.

Совершаемый США технологический рывок, закрепляя их лидерство в глобальной конкуренции, переводит их в состояние посткапитализма и постдемократии, при которых общество управляется прямым технологическим и инфраструктурным, не опосредованным финансами и политикой контролем, а средний класс с его спросом и политической активностью становится не нужен и, разоряясь, сходит с исторической сцены.

Эта стратегия и, в частности, технологический рывок не дает преодолеть глобальный кризис (для этого надо погрузить глобальные монополии в конкурентную среду, что неприемлемо для них), но сможет переформатировать общества так, чтобы кризис перестал угрожать власти монополий. Конечно, новое Средневековье будет оставаться компьютерным недолго (лишение людей свободы вызовет не только социальную, но и технологическую деградацию), однако эта угроза видится глобальному бизнесу слишком отдаленной, чтобы заниматься ей прямо сейчас.

## **Судьба России: оптимизация путем уничтожения**

Легко заметить, что России (как и других стран, включая Китай) в описанной стратегии не существует. Украинской катастрофой США исключили угрозу создания нового субъекта глобальной конкуренции за счет объединения европейских технологий с российскими ресурсами и самосознанием и, оттолкнув Россию к тесному союзу с Китаем, намерены ликвидировать нас заодно с ним.

«Ничего личного – просто бизнес»: глобальный кризис требует сокращать издержки, в том числе на взаимодействии с государствами. Если та или иная страна нужна глобальному бизнесу лишь как поставщик сырья, – он исходит из того, что самый сильный полевой командир продаст это сырье в разы дешевле, чем самое слабое национальное государство. Логика снижения издержек требует уничтожения государственности как таковой, – и объективная задача Запада в отношении России заключается в нашем раздроблении на множество «недоэстоний», грызущихся за право поставлять Западу свои ресурсы.

Угроза перехода под контроль Китая всей территории к востоку от Урала, похоже, рассматривается как допустимый риск, – хотя для Китая их освоение может стать спасением в случае отрезания от американского, а затем и от европейского рынка и вынужденной переориентации на собственный рынок. При всей драматичности этого процесса для Китая (так как рентабельность работы на внутренний рынок существенно ниже работы на внешние рынки) он представляется, в том числе и китайским аналитикам, единственным способом избежать срыва в период хаоса и распада (который в соответствии с циклами китайской истории должен начаться уже в 2019–2022 годах) в случае утраты внешних рынков.

## Неизбежность американской неудачи

Ключевой вопрос будущего – исчерпанность возможностей продолжения технологического прогресса. Популярная теория, по которой расширение сбыта автоматически стимулирует его, основана на игнорировании истории.

Так, в 80-е годы США вышли из стагфляции за счет кардинального смягчения финансовой политики в 1981 году (когда требования к обеспечению кредита были снижены с возможности его возврата до возможности его обслуживания с перспективой почти гарантированного рефинансирования) и снизившей издержки волны дешевого ширпотреба из Китая. Технологический прогресс был обеспечен «военным кейнсианством» Рейгана, сокращавшего социальные расходы при решительном увеличении финансирования ВПК.

В конце 80-х и в 90-е годы спрос был качественно расширен благодаря распаду Советского Союза – за счет освоения постсоциалистического мира. При этом технологический рывок был опять-таки достигнут за счет не захвата новых рынков, а «трансферта технологий» из бывшего СССР, то есть его технологического разграбления, напоминавшего новую Конкисту: тогда Запад захватил золото для развития капитализма, в 90-е – технологии для его преодоления.

Не признавая принципиального значения советских технологий для своего процветания из-за естественного высокомерия, США обрекают себя на частичность восприятия реальности и недостаточность предпринимаемых мер. Даже реализовав стратегию «Подавить Китай, захватить Европу», они отнюдь не обязательно смогут осуществить технологический рывок, избежав все более реальной из-за загнивания глобальных монополий и ликвидации массового качественного образования угрозы технологического провала. Ведь новые технологические принципы перестали открывать с завершением «холодной войны», так как это требует чрезмерной концентрации ресурсов и принятия огромных рисков; нынешняя технологическая революция – лишь коммерциализация ранее открытых принципов, результат переноса центра приложения усилий из сферы открытия в сферу реализации.

Глобальным либералам, хаотизирующим мир ради сохранения глобального финансового рынка (чтобы спекулятивные капиталы всего мира бежали в США, поддерживая их, они должны все сильнее пугаться растущего хаоса), противостоят старые европейские элиты, сохранившиеся, несмотря на вынужденное отступление на второй план в XX веке, а также группировки глобального бизнеса, ориентирующиеся на распад глобальных рынков и последующую организацию взаимодействия между макрорегионами.

Объективные закономерности глобального развития делают позицию последних предпочтительной, о чем свидетельствует победа Трампа и повсеместный рост «нового патриотизма».

Но российский либеральный клан оформился в начале в 90-х годов и в силу этого слепо и преданно обслуживает интересы первой группы, бывшей глобальным гегемоном в момент его создания, а сейчас сходящей со сцены истории.

Помимо полной несовместимости с интересами России, это делает отечественных либералов «навсегда вчерашними» и полными аутсайдерами, обреченными на поражение.

Открытым остается лишь вопрос, сумеют ли они в силу своей безусловной энергичности и эффективности утянуть с собой в историческое небытие всю нашу цивилизацию, – а вместе с ней и каждого из нас.

## Предисловие к первому изданию Русская катастрофа и ее творцы

Уже много лет назад я поймал себя на том, что, упоминая события 1991 года и последующих лет, невольно называю их «Катастрофой» – именно так, с большой буквы, а не «победой демократии» и даже не нейтральным «распадом Советского Союза».

Разумеется, множество людей (*далеко не только евреев*) привычно указывает на недопустимость использования термина, *закреплённого* историей за геноцидом евреев фашистами во время войны.

Но, если сопоставить последствия распада Советского Союза и Холокоста (как это принято называть на русском языке, да и на других языках мира) для соответствующих народов, мы увидим, что, несмотря на отчетливо меньшее количество жертв (в пропорциях к населению), **последствия для нашей страны и нашего народа были если и не хуже, то, по своей тяжести, по крайней мере сопоставимы.**

В самом деле: Холокост – сознательное убийство 6<sup>1</sup> из 38 миллионов евреев, живших в то время в мире -16 %. Больше этого относительные потери составили только в Белоруссии (где погиб, как известно, каждый четвертый), но не стоит забывать, что значительная часть ее жителей как раз и были евреями.

Демографические потери от этого, – не родившиеся дети и люди, умершие в своих постелях, но раньше среднестатистического срока, от голода, болезней и переживаний, – насколько я знаю, не оценены, но их чудовищность понятна.

Вместе с тем еврейский народ отнюдь не был сломлен этой чудовищной попыткой истребления. Напротив – произошел взлет еврейского самосознания, увенчавшийся, при общем чувстве вины перед евреями и активной на самом важном, первом этапе поддержке Советского Союза, созданием государства Израиль.

Самосознание израильтян (по крайней мере, элиты) того времени было абсолютно адекватным ситуации и исходило из презумпции «осажденной крепости», из четкого понимания того, что Израиль в любой момент может быть брошен и продан любыми своими союзниками. **Именно это самосознание, питаемое памятью о Холокосте** (перед началом которого западные «демократии» отказались принять евреев, находившихся на контролируемых гитлеровцами территориях, и этим обрекли их на уничтожение), **именно это однозначное и жесткое деление на своих, чужих и врагов и стало главным фактором жизнеспособности еврейского государства.**

Причина переживания Холокоста и превращения его в один из краеугольных камней еврейской идентичности очевидна: Холокост был агрессией, не просто сплотившей, но и во многом *воссоздавшей* смилившуюся было с рассеянием нацию.

Схожие процессы произошли и в Советском Союзе – именно чудовищная война стала ключевым элементом формирования советского народа.

Либеральные реформы 90-х и 2000-х были, как и Холокост, результатом не только внешнего воздействия, но и собственного, внутреннего разложения общества, которое в гитлеровской Германии вызвало расовую ненависть к евреям, а в нашей стране – либеральные реформы, характеризующиеся в том числе такой же расовой ненавистью к русским и стремлением уничтожить нас как народ, культуру и цивилизацию.

---

<sup>1</sup> Истерические уголовные преследования ученых, призывающих к более точному учету жертв Холокоста (вслед за более точным учетом жертв советского народа) и уголовная же трактовка попыток исследований Холокоста как его отрицания позволяют предположить существенную завышенность числа 6 млн. жертв Холокоста.

Не случайно почти двукратный рост смертности при практически двукратном падении рождаемости, вызванный либеральными реформами и всячески оправдываемый современными либеральными фашистами как нечто «нормальное», «свойственное всему прогрессивному человечеству» или «вызванное игом проклятых большевиков», получило название именно «русского» креста.

Количество убитых в ходе «построения демократии и рынка» на постсоветском пространстве было значительно меньше, чем во время Холокоста. По оценке ряда исследователей (в первую очередь следует вспомнить прекрасные работы Ксении Мяло), во время «конфликтов малой интенсивности», бывших непосредственным инструментом разрушения Советского Союза (и во многом сознательно разжигавшихся пламенными демократами) погибли сотни тысяч человек.

Число убитых в бесчисленных «бандитских войнах» и криминальном беспределе 90-х годов не учтено, – однако читатель может сам зайти почти на любое кладбище России и увидеть там длинные ряды могил, в которых лежат молодые жертвы либеральных преобразований. Официальная статистика тех лет занизила их число, так как, во-первых, развалилась вместе с государством, а, во-вторых, значительное количество погибших просто исчезло и так никогда и не было найдено. По оценке одного из либеральных историков, «сверхсмертность» только 1992–1993 годов (при том, что она достигла максимума в последующие 1994–1996 годы) на 600 тыс. чел. превысила «сверхсмертность» Большого террора 1937–1938 годов.

Да, жертвы реализации, как, по воспоминаниям работавших в то время на госслужбе, изящно выразился один из американских советников Гайдара, *«необходимости вытеснения из общественного сознания мотива права мотивом прибыли»* не были результатом целенаправленного истребления по национальному или религиозному признаку. Против Советского Союза и, затем, России, раздавленных внешней конкуренцией, не осуществлялся официально объявленный геноцид (хотя еще в середине 90-х годов простое упоминание «национальных интересов» России воспринималось многими демократами, в том числе находившимися на госслужбе, как совершенно непростительное и недопустимое проявление).

**Однако миллионы людей, полных сил и энергии, были убиты в результате последовательной реализации политических теорий.** Общие демографические потери от либеральных реформ оцениваются к 2015 году в 21,4 млн. чел., – и это число продолжает расти по мере углубления эффективно истребляющих нас либеральных реформ. И то, что эти теории не открыто требовали уничтожения миллионов из нас как высшей и самодостаточной цели, а привели к нему всего лишь в качестве побочного (хотя и абсолютно неизбежного) следствия, не может воскресить ни одного человека.

Принципиально важно, что при этих относительно меньших потерях **советский народ перестал существовать.** Если еврейский народ после катастрофы обрел свою государственность и укрепился, – относительно молодой советский народ, еще находившийся в стадии формирования, свою государственность утратил и перестал существовать.

Гибель советского народа **надломила хребет русскому народу**, который был его основой как в качественном, культурном и управленческом, так и в чисто количественном плане. **Русский народ** во многом утратил самоидентификацию за три поколения выращивания и вынашивания советского народа, начав ассоциировать себя с развалившимся и предавшим его государством. В результате он до сих пор **не может в полной мере восстановить свою идентичность**, свою российскую цивилизацию, **пребывая в состоянии продолжающейся Катастрофы.**

Без осознания масштабов и глубины нашей трагедии, наших жертв и потерь невозможно никакое возрождение России, – в том числе и по сугубо технологическим причинам.

Конечно, нельзя, да и не нужно пытаться примазаться к трагедии еврейского народа более чем 75-летней давности и тем более начать меряться потерями. Но должно и нужно

использовать ее, – как понятный нам всем и, по меньшей мере, сопоставимый *эталон*, – для оценки и осознания нашей собственной, проявившейся в 1991 году и продолжающейся и по сей день трагедии.

Российское общество должно в полной мере осознавать тяжесть последствий либеральных реформ, начатых в 1991 году и продолжающихся до сих пор. И поэтому русский язык, оставляя за еврейской трагедией историческое и на практике не переводимое напрямую (так же, как не переводятся, например, термины «Ханука» или «Пурим») название «Холокост», **должен отразить тяжесть нашей трагедии, начавшейся в 1991 году, термином «Катастрофа».**

Как и еврейский Холокост, русскую Катастрофу не нужно переводить ни на иврит, ни на английский, ни на китайский, – точно так же и по тем же самым причинам, по которым еврейская катастрофа не переводится на русский, английский, китайский, да и все другие языки мира. Пусть транслитерируют. Пусть пишут «Katastropha» на латинице.

Два горя, две беды не будут соперничать друг с другом: это не тот случай, когда соперничество уместно. Зато мы будем не только знать, но и *ощущать* при каждом упоминании свою недавнюю и все еще продолжающуюся историю.

И помнить, что для исчерпания Холокоста было мало Дня Победы, – для него был необходим Нюрнбергский трибунал и государство, не стеснявшееся отлавливать нацистских преступников по всему миру и эффективно добивающееся признания самостоятельным преступлением само сомнение в Холокосте.

...Хотя Бог с ним, с Нюрнбергом, – можно собраться и в Рязани.

Эта книга – о тех, кого бы я хотел там видеть, живых и мертвых: не столько для возмездия (потому что большинство творцов и исполнителей Катастрофы так или иначе уже наказаны), сколько для восстановления справедливости, для возвращения нормальных представлений о добре и зле, без которых невозможна даже нормальная жизнь, не говоря уже о развитии.

Эта книга – о сознательных и, в меньшей степени, невольных творцах Катастрофы, о тех, кто проводил, проводит и собирается проводить дальше либеральные реформы, смертельные для нашей страны и для каждого из нас.

Эти люди мало кому интересны в мире, да и глобальным монополиям, которым они истово служат, они нужны только в России, – насколько можно судить, сначала как оружие ее уничтожения, а затем как сотрудники разнообразных оккупационных администраций. Многие либералы прекрасно сознают это и не стесняются признавать, что считают Россию глубоко чуждой для себя страной, в которой живут через силу, постоянно мучаясь, – просто потому, что за ее пределами, вне процесса ее разрушения они никому не нужны и гарантированно не смогут сохранить привычный комфорт.

Они появились не на пустом месте, они являются наследниками исторически длительной и во многом объективно обусловленной традиции.

Из-за относительно холодного климата в средневековой России прибавочная стоимость была существенно ниже, чем в Западной Европе. Это обуславливало экономическую слабость, а попытка российской элиты подражать Западу в роскоши оборачивалась изъятием необходимого продукта вместо прибавочного и разрушением экономики. Соответственно, такая элита уничтожалась либо порожденным ею кризисом, либо высшей властью, опиравшейся непосредственно на народ. Это не позволяло создать устойчивые институты, что стало одной из фундаментальных особенностей российского общества, подрывающих его конкурентоспособность (и обуславливающих технологическое отставание), но главное – создало культурную подозрительность в отношении любой ориентации элиты на Запад.

Между тем технологии, как правило, заимствовались именно там, – и формирующийся с середины XIX века слой интеллигенции объективно находился в диалоге с Западом, даже

когда отвергал его идеи и ценности, тем самым вызывая культурно обусловленные подозрения у остального общества, включая власть.

Интеллигенция как социальный слой является владельцем фактических знаний и монополистом на производство культурного продукта. Ее специфика в России была вызвана отторжением от власти и враждебностью к ней, вызванную прежде всего социальным генезисом: власть была преимущественно дворянской и военной, интеллигенция формировалась потомками мещан, и потому ее представителей крайне неохотно принимали во власть, что порождало их враждебность.

Важную роль играло и общее недоверие царской власти к знаниям и их носителям как таковым. Так, ключевой причиной поражения в Крымской войне было категорическое нежелание Николая Первого учить офицеров даже сугубо военным знаниям: он боялся, что вместе с грамотностью офицеры впитают западный дух вольнодумства, что приведет к новому восстанию декабристов. Эту традицию продолжил Указ «о кухаркиных детях», вполне в традициях нынешних либералов ограничивающий получение образования детьми малоимущих, одобренный не кем-нибудь, а лучшим российским императором XIX века – Александром III Миротворцем.

Будучи по своей природе военной, власть отстранялась от носителей знаний и, по моральным соображениям (а также из нежелания делиться влиянием), от бизнеса, – восстанавливая против себя интеллигенцию и крепнущее по мере развития экономики предпринимательство.

Интеллигенция объединялась с бизнесом, нуждающимся в знаниях и ищущем себе оправдания и развлечения в культуре, – а технологии, финансы и моды шли с Запада. Этот формирующийся конгломерат привыкал ориентироваться на Запад и служить ему, – в усугубляющемся противостоянии с царской властью.

В Феврале он, опираясь на Запад, смел империю, – однако его политические представители были не более чем обслугой Запада и не смогли удовлетворить ни одну из насущных потребностей общества, которые они эксплуатировали ради захвата власти. В результате Россия защитила себя большевиками, которые смели представителей Запада (сначала непосредственных, а затем опосредованных Коминтерном) и ценой чудовищных жертв преодолели кровавый хаос, восстановив, хотя и не сразу, российскую государственность, ориентированную на национальные интересы.

Однако это восстановление произошло по старым лекалам отторжения «орденом меченосцев» интеллигенции и хозяйственных деятелей, а также веяний Запада как таковых. В результате с исчезновением мобилизующей внешней угрозы уничтожения общественное развитие повернуло на старую колею, и историческая трагедия России воспроизвелась на рубеже 80-х – 90-х годов XX века чудовищным аналогом либерального Февраля 1917 года, который мы никак не можем преодолеть.

Как отмечает А.И. Фурсов, в 60-е – 70-е годы Советский Союз одержал две тактические победы над Западом, которые обернулись стратегическим поражением. Сначала «с условными Ротшильдами против условных Рокфеллеров» СССР (его Московский народный банк был крупнейшим банком лондонского Сити) создал рынок евродолларов, лишивший власти США контроля за финансами Европы и создавший возможность обратного воздействия. Затем «с условными Рокфеллерами против условных Ротшильдов» создал систему экспорта нефти и газа в Европу, создав экономический симбиоз с ней и обеспечив предпосылки для создания нового, континентального субъекта глобальной конкуренции.

Обе эти операции принесли СССР огромные деньги и влияние, – но вырастили в нем поколение управленцев, связанных с Западом, не мыслящих себя вне его, являющихся его сторонниками и ненавистниками своей страны. Именно эта социальная группа стала питательной почвой либерализма, ударной силой Запада, его «пятой колонной», уничтожившей советскую цивилизацию.



Сегодня Россия слишком хорошо видит, что торжество ориентированного на Запад и способного заниматься лишь ее грабежом либерализма может закончиться ее уничтожением. Залог будущей победы и возрождения России заключается в общем для нашего народа осознании и неприятии Катастрофы (вместо восторженного стремления к ней, характерному для либеральных революций февраля 1917 и 1990–1991 годов), общем понимании того, что либерализм несет России смерть и открыто жаждет ее смерти, изошренно и разнообразно оправдывая и призывая ее.

Либералы пришли к этому часто незаметно для самих себя – от любви к свободе, утверждения суверенитета и самооценности личности, отрицания ее подчинения обществу, частью которого она, если и не является, все равно должна быть для собственного гармоничного развития.

Стремясь к свободе, они прежде всего оперлись на наиболее свободную часть общества; в позднем Советском Союзе это была не инженерно-техническая интеллигенция (прикованная к необходимости постоянно зарабатывать себе на жизнь хотя бы подчинением начальству), двигавшая революцию, а легальный и в основном нелегальный бизнес.

Опираясь на этот бизнес, либералы при помощи инженерно-технических работников свалили Советскую власть и (не только из-за своей беспомощности, но и для облегчения спекуляций бизнеса) уничтожили этих работников как «средний класс», обрушив их в нищету.

После этого оказалось, что для политического успеха надо опираться не просто на наиболее свободный класс предпринимателей, а на его наиболее сильную часть.

Сначала это был просто крупный бизнес, но очень быстро он стал олигархическим, тесно сращенным с государством и извлекавшим из контроля за ним основную часть своей прибыли.

А затем оказалось, что за спиной олигархов отечественной сборки стоит не только подчинившее их в конце концов государство, но и главный субъект современного всемирно-исторического развития – глобальные монополии (прежде всего финансовые), оформившиеся к началу третьего тысячелетия со своими политическими и культурными представителями в глобальный управляющий класс.

В результате от службы свободе либералы стремительно и часто незаметно для себя, в силу политической целесообразности перешли на службу глобальным монополиям. Те, кто не осуществил этот переход, лишились влияния и были выкинуты с политической арены либо перестали быть либералами и, осознав, что интересы народа и цивилизации выше интересов их элементов, какой является отдельная личность, так или иначе перешли на службу народу.

Современные же либералы еще на стадии служения олигархии (и тем более сейчас, на службе у неизмеримо более жестких и жестоких глобальных монополий) растоптали свои исходные ценности.

Вместо защиты собственности как таковой они стали защищать лишь собственность своих хозяев, отрицая право собственности остальных (собственно, приватизация была ужасна именно отрицанием права собственности как таковой и тотальным разрушением этой собственности).

Вместо конкуренции они стали под ее флагом защищать свободу монополий, которым они служили, злоупотреблять своим положением, подавляя все вокруг себя.

Вместо защиты свободы слова они стали защищать свободу слова своих хозяев, разными способами затыкая рты всем остальным (не случайно цензура в явной форме – в виде «премодерации» без внятно обозначенных критериев – существует в Рунете лишь в блогосфере самого либерального медиа, «Эхо Москвы»).

Этот перечень можно продолжать бесконечно: по всем исходно либеральным ценностям.

Эволюция либералов, поставив их во всем современном мире (а не только в одной России) на службу глобальным монополиям, сделала их несовместимыми с самим нормальным существованием и развитием обществ, неумолимо разрушаемых этими монополиями.

Рассмотрим же этих либералов поближе.

В первой главе – идеологов и организаторов либеральных реформ: тех, кто привносил и приносит качественно новые элементы в направленность действий и структуру либерального клана.

Во второй главе – непосредственных исполнителей людоедских реформ.

В третьей – творцов либерального стиля, создателей интеллектуальной, культурной и управленческой моды, определяющих этим манеру, характер и, во многом, направленность массового поведения.

Конечно, это деление во многом условно и может оспариваться в части принадлежности ряда лиц той или иной группе (да и в части их отбора из общего массива либерального клана), но оно представляется наиболее функциональным и потому разумным. Распределение либералов по группам осуществляется не на основе их сегодняшнего состояния (ибо тогда из рассмотрения должны быть исключены Гайдар, Козырев и, вероятно, Березовский), а на основе их вклада в историю, в настоящее и, что самое важное, возможное будущее, с учетом их потенциала.

Четвертая глава посвящена обобщению биографий в основные закономерности функционирования либерального клана, обуславливающие его мощь и влияние, с одной стороны, а с другой – особенности его сознания.

Заключение фиксирует необходимость трансформации всего современного развития, его переориентации с интересов глобальных монополий на интересы отдельных обществ и человечества как такового ради общего выживания.

\* \* \*

Я благодарен не только десяткам людей, внесших по итогам сокращенных газетных публикаций полезные и часто крайне важные уточнения в характеристики ключевых либералов нашего времени, но и тем, кого описываю.

Многих из них я хорошо знаю, некоторых люблю и, к сожалению и ужасу, слишком хорошо понимаю и чувствую каждого из них.

Но понять, вопреки распространенной наивной поговорке, – отнюдь не значит простить.

В наши дни скорее наоборот.

Без них, насколько можно судить, наша страна не просто была бы краше, комфортнее, богаче и человечней: без них миллионы людей были бы живы.

## Часть I

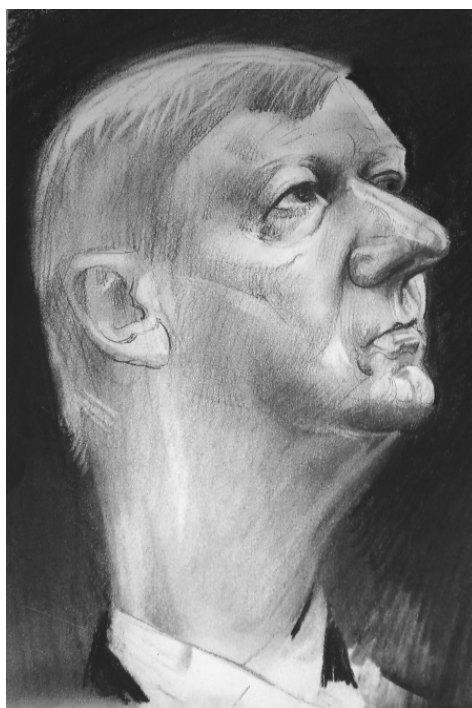
### Организаторы и идеологи

#### Чубайс

#### Всероссийский аллерген

Главная черта Чубайса – целеустремленность. Он вступил в КПСС еще при жизни Брежнева: по одним данным, в 1977, по другим – в 1980 году, то есть в 22 или 25 лет, что для научного сотрудника являлось фантастическим успехом, почти невозможным вне номенклатуры.

Вместе с Гайдаром и рядом других либеральных реформаторов входил в группу молодых ученых, отобранных при Андропове для реализации рыночных преобразований и проходивших для этого интенсивное обучение при Международном институте системного анализа в Вене. После смерти Андропова, как это бывает, смысл проекта забылся, и контроль за ним был перехвачен западными «учителями»; именно так Чубайс стал Чубайсом, а не Дэн Сяопином.



Воля Чубайса привела к тому, что при первой же встрече Гайдар четко осознал, что в партнерстве с ним он всегда будет вторым, ведомым, – и, полностью приняв эту позицию, никогда даже не пытался оспаривать его лидерство.

Чубайс рано осознал ключевую роль денег. По ряду воспоминаний, в середине 80-х он стал лидером ленинградского кружка либеральных экономистов не только в силу возраста (он родился в 1955 году) или включенности в «программу Андропова», но и потому, что его друг П. Филиппов обеспечил финансирование выращиванием на продажу цветов.

Сам Чубайс отрицал значимость этого фактора и подчеркивал, что сам цветами не торговал. В этом проявилась понимание им второго веления времени: важности имиджа. Недаром, насколько можно вспомнить, именно возглавленная им РАО «ЕЭС России» первой стала платить ключевым СМИ за согласование (и при надобности вычеркивание) упоминаний «чув-

ствительных» лиц и фактов. Необходимость же фактической цензуры при помощи подбора кадров была провозглашена группой Чубайса еще в 1990 году.

Наряду с Адамовым и Аксененко он входил в тройку выдающихся российских государственных менеджеров, которые по своим качествам настолько превосходили государство, что оно не могло поставить им задачу, и им приходилось направлять свою деятельность самостоятельно.

Хотя Чубайс крайне плох как линейный менеджер, он умеет создавать крупные, активные и влиятельные социальные группы, обогащающиеся за счет проводимых им преобразований и потому являющиеся его социально-политической и, вероятно, экономической базой. Этот образ действия выделяет его из деятелей продолжающейся вот уже более 30 лет эпохи национального предательства.

Чубайс не только систематик, вылавливающий главное для себя из информационного хаоса, но и отличный индивидуальный психолог: в 90-е ненавидевшие его губернаторы выходили из его кабинета со слезами благодарности, – ничего от него не получив.

Обладает прекрасными связями на Западе, прежде всего с демократической частью американского истеблишмента. С 1992 года простейшим способом втереться в доверие к представителям Запада – будь то политики, чиновники или представители корпораций – была похвала в адрес Чубайса: она автоматически приносила «знак качества» и делала вас «своим».

Его моральный уровень выше среднего реформаторского. Представления об избыточной аморальности вызваны эффективными приемами психологического давления, среди которых важное место занимает агрессивная демонстрация беспредельной наглости. Недаром фраза «Наглость города берет», ставшая неформальным символом либеральных реформаторов, приписывается именно ему.

В отличие от многих других либеральных реформаторов, способен на человеческие чувства. После гибели от рака одного из близких открыл в Москве великолепный хоспис. Когда один из журналистов встретил его там во второй половине 90-х, привезшего умирающим шампанского и икры, настойчиво просил не упоминать об этом в прессе.

Чубайс стремится избежать применения насилия, что в 90-е выгодно отличало его от ряда других влиятельных фигур. Провокация в отношении Квачкова (а безумное многолетнее судилище против одного из наиболее уважаемых ветеранов спецназа почти не оставляет места для иных версий) вряд ли организовывалась по его инициативе, хотя он, безусловно, поддерживал ее.

Своих сотрудников старается не «сдавать».

Вопреки распространенным представлениям, Чубайс далеко не безошибочен. Он не раз терпел болезненные поражения (стоит вспомнить хотя бы провал концепции «либеральной империи», по которой, насколько можно понять, Россия должна была вытеснять Китай из Средней Азии в интересах Запада), но всякий раз настойчиво продолжал свое дело.

Страх резко повышает эффективность его работы. Испуганный Чубайс – изобретательный боевой робот без тормозов с колоссальным напором, сфокусированный на единственной цели и идущий к ней любой ценой, ассоциирующий ее с сохранением собственной жизни.

Провозглашенная публично личная иррациональная ненависть к Достоевскому представляется результатом принципиального отрицания важности не только справедливости, но и всего некоммерческого как такового (включая русскую культуру).

Остается признанным лидером либерального клана, отодвинув на вторые роли даже, вероятно, связанного с теневыми «старыми» капиталами Европы стратега Волошина. Похоже, довольно эффективно (в провалах скорее виновен его политический порученец «абажур» и, по некоторым данным, личный психолог на протяжении двух десятков лет Гозман<sup>2</sup>) и при

---

<sup>2</sup> Не случайную популярность получила фраза «Россия не должна забывать, как многим она обязана Гозману: будь тот

этом полностью оставаясь в тени, координирует удары как официальных, так и оппозиционных либералов по враждебному силовому клану, а с 2012 года и по Путину.

## «Приватизатор всяя Руси»

Первым крупным «делом» Чубайса стала ваучерная приватизация, символом которой он остается по сей день.

Обещание двух «Волг» за ваучер показало всем, что никаких моральных ограничений больше нет: это был четкий сигнал, воспринятый всей системой управления. Последующая приватизация, став инструментом сознательного разграбления общенародной собственности (то есть всего народа, что последний немедленно ощутил падением своего жизненного уровня), не создала, а, напротив, уничтожила святость прав собственности и сделала крупную собственность в общественном сознании *a priori* преступной.

Более того: поскольку предприятия доставались приватизаторам почти даром, экономически рациональным (особенно в условиях неопределенности) было не их развитие, а, напротив, высасывание их, присвоение их оборотных средств с последующим выбрасыванием и распродажей по цене металлолома. Это сделало заведомо нерентабельным создание новых предприятий, ибо их владельцы должны были закладывать в цену продукции окупаемость сделанных инвестиций, а приватизаторы – лишь величину уплаченных либеральным реформаторам взяток.

Последовательно, эффективно и сознательно Чубайс выражал интересы доминирующей в каждый момент времени группы интересов: сначала отдавал заводы директорам, потом содействовал их захвату разнообразными «новыми русскими», потом помогал создавать олигархию залоговыми аукционами (идея вызрела в недрах бывшего международного отдела ЦК КПСС, системно участвовавшего в бизнесе). Он успел поощрить закон об ускоренном и упрощенном банкротстве, запустивший волну рейдерства еще до дефолта 1998 года.

Уже в июле 1992 года привлек к работе американских консультантов, часть которых баснословно обогатилась, а часть (включая их руководителя Хэя, в 2004 году отданного под суд в США за разворовывание американских денег в ходе приватизации) обвинялась в работе на ЦРУ. Учитывая рекомендации, нацеленные на последовательное уничтожение лучших и наиболее значимых российских предприятий (скажем, в Нижегородской области, где они не были выполнены, насколько можно судить, лишь по раздолбайству ее демократического губернатора Немцова), последнее представляется почти очевидным.

Черномырдин и другие «политические тяжеловесы» держали его за мальчика, взятого на грязную работу, которого по ее выполнению можно будет спокойно «сдать». Правовой нигилизм Чубайса был оружием класса партхозноменклатуры, завершающей перестройку приватизацией, – и она не понимала, как быстро оно обернется против нее.

Но тогда, на первом этапе своей карьеры в правительстве Чубайс выживал за счет поддержки Запада и российских спекулянтов; подлинный политический вес он обрел уже после того, как стал взамен Шохина первым вице-премьером осенью 1994 года. (Тогда реформаторы, насколько помню, хотели на 20 % обвалить рубль для поддержания экономики на плаву, но, поскольку большинство из них «слило» информацию своим банкирам, девальвация составила 38 %. Шок от этого привел к отставке председателя Банка России В.В. Геращенко и целого ряда реформаторов, включая тогдашнего лидера реформаторского клана Шохина, а также и.о. Министра финансов Дубинина).

Характерно, что Чубайс и сегодня демонстрирует трогательное расположение к Ясину, который, насколько помню, после этих событий, будучи тогда главой аналитического управления президента, три дня буквально вымаливал у Черномырдина его повышение.

Лобовое столкновение Чубайса и в целом клана либеральных реформаторов с Березовским и «семьей» в 1997–1998 годах, когда эти две силы нейтрализовали друг друга, позволило тогдашнему руководству «Газпрома» сохранить его в руках государства минимальными ресурсами: достаточно было просто подталкивать сцепившихся «хозяев России».

Ну, а затем, помнится, Чубайс с Березовским как лидеры двух властных кланов сделали президентом «консенсусную фигуру» – Путина. Правда, в отличие от Березовского, Чубайс как человек рациональный быстро понял, что тот набрал собственный вес, и без протестов перешел в формальное подчинение ему.

## Катастрофа российской энергетики

Чубайс возглавил РАО «ЕЭС России» в 1997 году, когда органы власти окончательно перешли под контроль олигархата, и надо было иметь личный финансовый ресурс, чтобы сохранять влияние и самостоятельность. В силу прямого контроля за населением и промышленностью РАО обеспечивало ему не только финансовое, но и социальное влияние: он прямо определял жизнь всего народа, а массовые неплатежи, вызванные искусственно организованным либеральными реформаторами «денежным голодом», позволяли ему делать это по своему произволу. Контроль же за оставшейся во власти «командой реформаторов» и тесная связь с «семьей» сохраняли его исключительное политическое влияние. Вероятно, Чубайс всерьез собирался стать президентом после Ельцина (как в первой половине 2000-х он, похоже, грезил о 2008 и в 2012 годах).

Наведя порядок в РАО и добившись массовыми и часто произвольными отключениями приоритетности платежей за электроэнергию и, вероятно, построив вокруг этого значительные теневые бизнесы (взамен прежних самостоятельных), Чубайс увидел, что огромная и дурно управляемая империя РАО открывает колоссальные возможности для обогащения.

Реформа была его выстраданным детищем. Смысл стандартен и заимствован у Запада: выделить и приватизировать центры прибыли, дополнительно заработав на стремительном взлете их капитализации. Центры же убытков, необходимые с технологической точки зрения (и ранее финансируемые в рамках единой системы за счет центров прибыли), сбрасывались на финансирование государства или за счет роста тарифов (в нашем случае – на оба источника) и деградировали.

Надежность системы Чубайса не интересовала, как и технические проблемы (так что лишь в 2005 году, после отключения света в части Москвы и ряде областей Центральной России из-за мелкой аварии его команда на личном опыте осознала невозможность свободного рынка электроэнергии и стала корректировать реформу). Он управлял не системой, а ее изменением. Поскольку все отраслевые специалисты были против, они были изгнаны на высшем уровне и либо изгнаны, либо куплены, либо запуганы на среднем и нижнем.

Как обычно, он выявил социальные группы, выигрывающие от этих изменений, и решительно оперся на них, используя их сознательную корысть как таран против разрозненного и неосмысленного сопротивления. Крупный бизнес он покупал допуском к генерирующим мощностям и возможностью самим продавать себе энергию (которая тогда уже была дорогой), потребителей – обещанием дешевизны энергии из-за конкуренции.

Последнее было откровенной заведомой ложью: дешевизна энергии означала снижение прибыли и потому была неприемлемой для него. Простейший способ снижения цены энергии – восстановление энергомоста к «запертым» избыточным мощностям Восточной Сибири, стоившее в ценах 2003 года не более 2 млрд. долл. (даже при тогдашнем уровне воровства) –

Чубайса не интересовал и жестко блокировался при публичном признании важности этой темы (когда ее нельзя уже было замалчивать).

Создание рынка было невозможно технологически, так как даже в европейской части России число «узких мест» в сетях с ограниченной пропускной способностью исчислялось десятками (а с учетом миграции этих узких мест в зависимости от изменения структуры потребления по времени года и суток – и сотнями). Для функционирования рынка (то есть возможности гарантированно получить купленную энергию) надо было качественно расширить сеть.

Якобы конкурентный оптовый рынок электроэнергии был монопольным, просто монополизм естественной монополии заменялся коммерческим монополизмом ее представителей и произволом разнообразных администраторов. Доказательство – его дисбаланс (убытки из-за плохого диспетчирования) на две трети перекладывался на атомную генерацию, не связанную с РАО, – при том, что на нее приходилось не более трети поставок. «Рыночная» цена устанавливалась на уровне издержек наименее эффективного производителя, то есть была исходно завышенной.

Проводя реформу, Чубайс, насколько можно судить, действовал через агентов, десятками внедренных в госаппарат на разные уровни и знавших, что после выполнения ими своей работы по продвижению реформы и даже при увольнении из-за безумия предлагаемых мер им гарантированы теплые места в энергокомпаниях. Поэтому они лгали в лицо своим руководителям (так, помнится, начальник отдела аппарата правительства официально отрицал, что тепловые электростанции производят не только электричество, но и тепло), запутывали их и создавали благоприятный для реформы информационный фон.

Через них (а также через либеральных реформаторов, контролируемых им как главой либерального клана) Чубайс добивался подготовки нужных государственных решений, а затем, когда эти решения обнажали свой идиотизм и вредность, говорил, что он все понимает, но вынужден подчиняться государственному бреду, а к разработке реформы имеет лишь страдальческое отношение.

Мощная лоббистская кампания сторицей окупилась (даже только для топ-менеджмента РАО «ЕЭС России») из-за роста капитализации компании после принятия законов о ее реформе.

Чубайс был мотором реформы электроэнергетики, задумавшим и исполнившим ее с катастрофическими для России последствиями. Но денег причастные к ней получили очень много, – а ведь смысл либерального реформаторства заключается именно в этом.

### **«Роснано»: «джентльмен в поисках десятки»?**

Проект «Роснано» производит впечатление изначально ориентированного на масштабный «распил» средств. Ряд ученых, включая основоположников нанотехнологий в СССР, с иронией отмечали равнодушие этой структуры к перспективным разработкам. В то же время на многих конференциях приходится встречать юных менеджеров из связанных с «Роснано» структур, на прекрасном английском излагающих банальности из учебников по маркетингу.

Похоже, реальной задачей деятельности «Роснано» изначально являлось не финансирование новых технологий, которые получают рыночный успех, а нечто иное – более традиционное для либеральных реформаторов.

Убыток государственной «Роснано» по МСФО в 2011 году составил почти 3 млрд, руб., в 2012 – 22, а в 2013 – 38 млрд. руб. Все, что можно было сказать критикующим за это Чубайса (включая пришедшим в ужас аудиторам Счетной палаты), – «не завидуйте». Путин зафиксировал его фактическую неприкосновенность.

В декабре 2013 года Чубайс возглавил одноименную с «Роснано» управляющую компанию (1 % принадлежит лично ему): в отличие от госкомпании, та может передавать часть своего капитала «стратегическим инвесторам». Таким образом, управление госкомпанией «Роснано» даже формально стало подчинено частным (и не обязательно российским) интересам.

Чистая прибыль «Роснано» по МСФО в последующие годы (8,2 млрд. руб. в 2014, 7,3 в 2015 и 4,5 в 2016 году) в решающей степени определялась переоценкой валютных активов из-за обесценения рубля; не случайно валютная стабильность 2017 года принесла чистый убыток свыше 5,3 млрд. руб., а ослабление рубля в первой половине 2018 – чистую прибыль в 2,2 млрд. Весомый вклад в доходы вносило и размещение средств на депозитах; собственно инновационная деятельность (значительная часть которой составляли инвестиции за рубеж и технологическое развитие не России, а ее конкурентов) производила впечатление несопоставимо малой по сравнению с финансированием компании (включая госгарантии) и во многом являющейся прикрытием основного бизнеса по «освоению» бюджетных средств. Осенью 2017 года «Роснано» объявило об очередном «технологическом прорыве» – выпуске складного электромобиля за 600 тыс. руб. за штуку; слава богу, что рекламой все и ограничилось.

Тем не менее Чубайс заявил о переходе к развитию nanoиндустрии за счет зарабатываемых ею средств – и уже весной 2018 года ФСБ остановила приватизацию управляющей компании «Роснано», что могло привести к «утрате госконтроля над активами ОАО «Роснано» стоимостью 147 млрд. руб.». Это сопровождалось восхвалением эффективного руководства Чубайса, в результате которого госфинансирование «Роснано» в размере, по его данным, 382,7 млрд. руб. (130,7 млрд. бюджетного финансирования и 252 – госгарантии) привело к созданию активов, в 2,6 раза меньших, – то есть к сокращению стоимости в 2,6 раза! И, если прямое финансирование завершено в 2011 году, предоставление госгарантий, как следует из материалов «Роснано», продолжено и в 2018.

\* \* \*

Журналисты подметили, что единственный простой способ психологически «развалить» Чубайса – это удивиться, почему он, с его способностями и волей, до сих пор не стал президентом России. Похоже, это его сокровенная мечта.

Что ж – этим он ничем не отличается от множества россиян, которые, глядя на руководителей страны, задаются естественным вопросом «А чем я хуже?» Как известно, российские мужчины страдают тремя основными болезнями: алкоголизмом, простатитом и мечтой стать президентом, – причем отличаются они прежде всего тем, что первые две поддаются лечению.

Что же касается Чубайса, при проведении в России социологического опроса о том, кого граждане нашей страны считают наиболее ужасным выродком рода человеческого, он, на мой взгляд, вполне может занять почетное второе место после Гитлера. Правда, его карьера, в отличие от прошлого объединителя Европы, еще не окончена, – и может принести нам немало страшных неожиданностей.

Но все, что можно пожелать ему сегодня, – это крепкого здоровья, которое позволило бы ему дожить не только до правовой оценки своих «подвигов», но и до заслуженного наказания за них.



## Березовский Великий гешефтмахер: черный человечек лихого времени

*Какое время было, блин!  
Какие люди были, что ты!  
О них не сложено былин,  
Зато остались анекдоты.*

*(Игорь Иртеньев)*

*Черный человек ко мне пришел.*

*(Сергей Есенин)*

Борис Березовский, без преувеличения, стал «черным человеком» постсоветского времени. Долгие годы сам факт общения с этим могущественным и авторитетным деятелем подрывал репутацию, какой бы замечательной она бы ни была и каким бы вынужденным или безобидным ни было это общение.

Лучшее, что написано о Березовском (и в целом о старте российской олигархии), – книга его друга и компаньона Юлия Дубова «Большая пайка» с внятным эпиграфом из Варлама Шаламова (не бывшим, в отличие от иных перестроечных икон<sup>3</sup>, ни агентом КГБ, ни «лакировщиком действительности», даже лагерной): «В лагере убивает большая пайка, а не маленькая». Однако по понятным причинам она является апологией российского олигархата. Честно и во многом документально раскрывая внутренние трагедии научных сотрудников, окунувшихся в хаотический бизнес конца 80-х – начала 90-х, и жестокость этого бизнеса, книга существенно и, похоже, сознательно приукрашивает мотивацию и характер их действий, причем не только на первом, но и на всех этапах «накопления капитала».

Попытаемся исправить этот недостаток.

### Золотой гранит науки

Березовский родился в январе 1946 года в Москве. Отец, Абрам Маркович, инженер-строитель из Томска, работал на заводах по производству стройматериалов (во время юности Березовского – главным инженером Бутовского газосиликатного кирпичного завода) и, по словам Березовского, «так и умер на работе»; по некоторым данным, был еще и раввином. Мать, Анна Александровна Гельман, работала старшим лаборантом в Институте педиатрии Академии медицинских наук СССР. Среди ее предков были поляки, евреи, украинцы и даже итальянцы. Они поженились в августе 1943 года, в дни завершения жестоких боев на Курской дуге; Березовского, скорее всего, назвали в честь его прадеда (его дед, Марк Борисович, умер в 1950 году).

Березовского отправили в школу в 6 лет; в шестом классе перешел в английскую спецшколу, по окончании которой в 1962 году неудачно поступал на физический факультет МГУ. Он утверждал, что его не взяли из-за национальности (хотя в паспорте был записан русским), но в то время антисемитизм не был значимым фактором, тем более на физфаке (в отличие от

---

<sup>3</sup> Начиная с Солженицына, деятельность которого с фронта в рамках органов госбезопасности исследована и вскрыта весьма подробно на основе анализа его собственных воспоминаний.

мехмата МГУ, где он также проявлялся лишь в последующие годы; не случайно в ряде биографий говорится о попытке поступить на мехмат, хотя даже характеристики давались ему для физфака). Скорее всего, причиной была слабая подготовка Березовского: в школьном аттестате у него были пятерки лишь по алгебре и геометрии. По остальным предметам (включая профильный для школы английский язык и физику, которой он увлекался и даже занимался в физическом кружке при МФТИ) – «четверки», а по литературе – и вовсе «тройка».

В школе вместо фольклорной скрипки он шесть лет учился играть на баяне, – без видимых последствий (хотя о впечатлении от вида его тонких «музыкальных пальцев» вспоминали потом, в дни его славы, самые разные женщины). В старших классах нарабатывал хорошую характеристику: был членом школьной народной дружины, дежурил в агитпункте, но даже в характеристике указывалось: хотя, «вступив в комсомол, активно взялся за работу», «мог бы принять более деятельное участие в жизни школы». Классный руководитель отметил, что, будучи добрым, отзывчивым и «гибким», юноша «не всегда мог проявить волю», – удивительная характеристика для тех, кто знал его в зрелости!

Потерпев неудачу, поступил в Лесотехнический институт в подмосковных Мытищах (в СССР экзамены сдавались в июле – в немногие лучшие вузы и в августе – в остальные).

Во вступительном сочинении Березовский выбрал «свободную тему», не связанную со школьной программой, но позволяющую раскрыть способности к общественно-политической риторике. Сочинение на тему «Мир! Нам нужен мир!» он начал словами «Октябрь 1917 года (415-летие которого как раз отмечалось – М.Д.) – самая знаменательная дата тысячелетней истории существования человечества».

Лесотехнический институт служил прикрытием подготовки специалистов в области электроники и кибернетики, в первую очередь для космической отрасли. Березовский поступил именно на секретный факультет «электроники и счетно-решающей техники», которого не было ни в одном справочнике.

О нем вспоминали как о невысоком «сутулом мальчике» с не всегда причесанными черными волосами, обычно ходившем в «запачканном» светлом клетчатом пиджаке. За суетливость и многословие сокурсники прозвали его Паниковским.

Березовский проявил разносторонность, жизнерадостность, энергию и решительность. Приказами ректора ему дважды объявлялись выговоры: на втором курсе – за грубость к сотрудникам библиотеки, на третьем – за «систематические пропуски занятий».

Тем не менее в 1967 году закончил институт успешно, получив по 14 предметам «отлично» и по 16 «хорошо». В рецензии на диплом не кто-нибудь, а научный руководитель указал, что работа не раскрыла содержание темы («Прибор для автоматического определения скоростного процесса»), но на защите Березовский получил «хорошо». Однокурсники были убеждены, что «вопрос решил» отец: газосиликатный кирпич был исключительным дефицитом.

По распределению Березовский отработал два года инженером в НИИ испытательных машин, приборов и средств измерения масс Минприборостроения СССР, в 1969 году ушел оттуда инженером в Гидрометеорологический научно-исследовательский центр, а в 1970 году устроился в Институт проблем управления АН СССР. Там и работал до 1987 года, пройдя путь от инженера до заведующего лабораторией и сектором, успешно вступив в КПСС. («Я... в отличие от некоторых, билет свой не рвал, не сжигал. Так и лежит у меня в сейфе в институте», – вспоминал предусмотрительный Березовский уже в зените славы.)

В начале 70-х женился на учившейся двумя курсами младше (и тогда также окончившей институт) девушке из обычной поселковой семьи. Их буквально погнал в ЗАГС отец, узнавший, что та находится на шестом месяце, но мать еще долго переживала женитьбу сына на простоватой русской.

Окончив в 1973 году без отрыва от работы лучший в мире механико-математический факультет МГУ, Березовский поступил в аспирантуру родного Института проблем управления, где защитил кандидатскую диссертацию «Многокритериальная оптимизация». Она опиралась на огромный фактический материал: с 1973 года Березовский сотрудничал с «АвтоВАЗом» (выпустившем первые автомобили весной 1970 года), где руководил внедрением тогдашних прорывных управленческих технологий – систем автоматизированного проектирования и программного обеспечения. В 1978 году стал лауреатом премии Ленинского комсомола, а в 1983 защитил докторскую диссертацию «Разработка теоретических основ алгоритмизации принятия предпроектных решений и их применения».

С 1968 по 1989 годы Березовский опубликовал в соавторстве более 100 научных работ, в том числе и ряд книг. Часть была опубликована в США, Великобритании, Японии, Германии и Франции.

Но его научные успехи представляются ныне не более чем фасадом, прикрывавшим коммерцию.

По ряду свидетельств, он был дельцом от науки: организовывал своих ученых знакомых и торговал плодами их трудов. Уже в конце 70-х изготовление диссертаций было поставлено «на поток», причем написание только одной главы, по воспоминаниям «коммуникатора» той среды Петра Авена, стоило около 300 руб. Цена же докторской «под ключ» составляла несколько тысяч рублей, – при зарплате ее реальных авторов в 200 руб. в месяц. Березовский подрабатывал еще и лекциями, и мелкой спекуляцией (весной 1981 года был задержан в Махачкале за спекуляцию постельным бельем и провел 10 суток в камере предварительного заключения), – в соответствии с анекдотом, в котором еврей-портной говорит: «А если меня сделают царем, я буду подрабатывать шитьем и жить еще лучше, чем царь».

По наиболее популярной версии, кандидатскую Березовскому писал приятель юности Денисов, а докторскую – сослуживец по Институту проблем управления Красненкер, который в 90-е стал его партнером, дорос до заместителя гендиректора «Аэрофлота», был судим и умер в январе 2005 года от рака. Он и возглавлял, похоже, изготовление диссертаций.

«Крестный отец» Березовского Зибарев, в ключевые для его возвышения 1988–1992 годы бывший заместителем гендиректора «АвтоВАЗа», вспоминал, что на советах директоров «ЛогоВАЗа» Березовский не мог даже внятно докладывать об итогах работы, – какие уж тут диссертации!

Его сила была не в этом.

## **Свобода новых возможностей**

В 1987 году, с началом построения рыночной экономики, Березовский покинул Институт проблем управления (хотя заявлял, что сделал это в 1989, «когда в институте перестали платить зарплату»). Писал статьи о перестройке хозяйственного механизма для популярной тогда «Советской России», но явно не мог удовлетворяться этим, – не говоря об отсутствии коммерческой выгоды.

Скорее всего, он хватался за возможности, которыми дразнила его наступающая эпоха: завязывал новые связи, строил планы, пытался проворачивать комбинации, очертя голову бросался в авантюры, о которых потом и вспоминать было неловко.

Так, он пытался заняться... кастрацией кабанов при помощи лазера, который, как он где-то слышал, делает операцию безболезненной, и хряки не мучаются, – а значит, и не худеют. После получения аванса от председателя подмосковного колхоза, как вспоминал его друг и партнер Дубов, «первые два борова у нас подошли на месте, а третий испустил дух ровно в тот момент, когда мы вскочили в автобус: за нами уже бежали с дрекольем».

Попытки припасть к источнику дефицитного тогда продовольствия продолжились. Березовский, по некоторым воспоминаниям, убедил руководство подмосковного на сей раз совхоза в чудодейственности случайно оказавшегося у него пакистанского корма для кур. Экономический эффект был рассчитан на сложных математических моделях, но Березовский умудрился приехать за деньгами как раз в момент обнаружения поголовной гибели кур. Он не был поднят на вилы лишь потому, что снова сумел убежать от разъяренной толпы и вскочить на подножку отходившего рейсового автобуса.

Еще раз навыки стремительного, хотя и суетливо семенящего бега пригодились ему уже в 1990 году, когда он увел молодую жену у одного из известнейших советских драматургов. Знакомы они были давно (еще в начале 70-х тот написал пьесу о только построенном «АвтоВАЗе» и, по некоторым данным, привел туда Березовского), но именно в 1990 драматург стал необходим Березовскому, так как, по некоторым воспоминаниям, за 3 тыс. долл. познакомил его с благоволившим к нему вторым человеком в Политбюро ЦК КПСС, занимавшимся идеологией и управлявшим «перестройкой и демократизацией» Яковлевым.

Похоже, последний сыграл ключевую роль не только в уничтожении нашей страны, но и в становлении бизнес-империи Березовского, за аналогичные 3 тыс. долл. рекомендовав того руководству производившему самую дефицитную в стране продукцию «АвтоВАЗа». Именно так, как рассказывалось в госаппарате, Березовский втерся в доверие к ним (ранее он воспринимался лишь как «научная услуга») и получил исключительные преференции; именно так «ЛогоВАЗ» из мелкого посредника стал спрутом общенационального значения.

*Ничтожная сумма взятки не должна удивлять: в 1990 году доллар в СССР был запрещен, его курс на «черном рынке» был гомерически завышен, да и в США его покупательная способность была намного выше сегодняшней. А руководители нерыночного государства не признавали ценность распределяемых ими ресурсов и потому ценили себя дешево. (Так, Горбачев, по некоторым свидетельствам, признал Южную Корею, отказавшись от встречного требования признания Западом КНДР, за кредит в 1,47 млрд. долл.: 1 млрд. деньгами и 0,47 млрд. потребительскими товарами, – и чемоданчик со 100 тыс. долл.). А таких, как начинающий Березовский, вокруг Яковлева тогда было много. К концу 1991 года и покупательная способность доллара внутри страны в силу развития рынка упала, и новые лидеры «вошли во вкус» коммерции, – так что хозяйственное распоряжение президента Ельцина стоило, по оценкам, 30 тыс. долл.*

Важность контакта с Яковлевым не давала Березовскому ссориться с пожилым драматургом, – и он, уведя от него не любившую его молодую жену, жаждавшую красивой жизни, вывез ее в Италию. И, выразив потрясение ее исчезновением, организовал поиски и более полугодом еженедельно приходил к нему и за дружеским столом подробно рассказывал об их ходе, неизменно выражая уверенность в том, что с беглянкой ничего плохого не случилось, и он вот-вот найдет ее и вернет.

Пожилый драматург любил жену и плакал, рассказывая о случайно услышанных им ее нелестных отзывах о себе.

Обман открылся неожиданно для Березовского, и тому пришлось убежать от разъяренных друзей драматурга, всерьез хотевших утопить мерзавца в Москва-реке. Их ярость и намерения были таковы, что, несмотря на избыточный вес и опьянение, они продержались «на хвосте» у Березовского около двух километров.

### **«АвтоВАЗ»: трамплин к богатству и власти**

В 1989 году Березовский учредил «ЛогоВАЗ», включив в состав основателей помощника директора «АвтоВАЗа» по финансовым вопросам Самата Жабоева, – 34-летнего выпуск-

ника ГИТИСа и Киевского госуниверситета, успевшего поработать в ГИТИСе преподавателем режиссуры.

Первоначально «ЛогоВАЗ» был создан в качестве модного совместного предприятия: с советской стороны учредителями стали «АвтоВАЗ», «АвтоВАЗ-технообслуживание» и НИИ проблем управления, автоматики и телемеханики АН СССР, с которым Березовский не терял связи, с швейцарской – консервативная и закрытая *Andre & Cie*, управляемая семейством Andre. На протяжении уже четырех поколений, одна из пяти крупнейших компаний мира, торгующих зерном и другими биржевыми товарами. Как Березовский завязал с ней сотрудничество, неизвестно, но в 1992 году эта корпорация стала учредителем скандально известной потом швейцарской фирмы *Forus* (название расшифровывается как "For us" – «для нас»), а в 1994 году, вместе с AVVA, – фирмы *Andava*, вместе с Forus обслуживавшей валютные счета попавшего под контроль Березовского «Аэрофлота».

Березовский создавал «ЛогоВАЗ» для поставки на «АвтоВАЗ» программного обеспечения и даже пытался лоббировать его через Госкомитет по науке и технике. Быстро поняв ограниченность идеи, он вышел на коммерческий простор, занявшись продажей чудовищно дефицитных «жигулей» (сначала – отозванных из зарубежных автосалонов как не нашедших спроса) и сервисом иномарок. Березовский, похоже, опирался на дополняющие друг друга силы: «отца перестройки» Яковлева, сотрудников КГБ и чеченских бандитов.

Крах ГКЧП открыл перед ним качественно новые возможности.

Уже в августе 1991 года он стал одним из соучредителей (наряду с Сагалаевым, Тэдом Тернером, властями Москвы, «ЛУКОЙЛом» и, похоже, представителями Шеварднадзе) Московской независимой вещательной корпорации. В ноябре 1992 года она получила лицензию на вещание на телеканале, использовавшемся для нужд гражданской обороны и в технических целях, а во время перестройки для трансляций Олимпийских игр в Сеуле и открытых чемпионатов Англии и Франции по теннису. Но один из первых частных телеканалов России не обещал мгновенного обогащения и потому не был приоритетным; сверхприбыльность шантажа власти при помощи СМИ была открыта Гусинским, учредившим НТВ и создавшим «Медиа-мост», лишь в 1994 году.

«ЛогоВАЗ» получил статус официального импортера автомобилей *Mercedes-Benz* в Советском Союзе.

В сентябре 1991 года он взял у консорциума из шести швейцарских банков кредит в 20 млн. долл.: за поставку импортного оборудования на эту сумму Березовский попросил 10 тыс. автомобилей и заявил о намерении стать крупнейшим поставщиком «жигулей» внутри страны. «ЛогоВАЗ» и «АвтоВАЗ» вступили в симбиоз: гендиректор волжского гиганта Каданников назывался основным акционером «ЛогоВАЗа» наряду с коммерческим директором «АвтоВАЗа» Зибаревым и своим помощником Жабоевым, но и друг Березовского Глушков стал финансовым директором «АвтоВАЗа» и оставался им до разрыва сотрудничества в 1995 году.

В декабре 1991 года Березовский был избран членом-корреспондентом Академии наук СССР – вместе с председателем Верховного Совета РСФСР Хасбулатовым: это был его завершающий и вряд ли дорогой шаг на ниве научной коммерции. Когда в 2008 году руководство РАН не исключило его, ссылаясь на случаи Лысенко и Сахарова (которого оставили академиком после разъяснения президентом АН СССР М.В. Келдышем, что единственный прецедент – исключение Эйнштейна из академиков при Гитлере), ее представителям явно стоило бояться огласки сильнее, чем Березовскому.

В январе 1992 года «ЛогоВАЗ» открыл в Москве валютный центр технического обслуживания «мерседесов». За первый год реформы были проданы десятки тысяч «Жигулей», а оборот «ЛогоВАЗа» составил не менее четверти миллиарда долларов, – головокружительная сумма для России, весь ВВП которой составлял в 1992 году 85,6 млрд, долл.! «ЛогоВАЗ» стал

крупнейшим в стране официальным дилером не только *Mercedes-Benz*, но и *General Motors*, *Volvo*, *Chrysler*, *Honda*...

Огромные деньги, преимущество перед конкурентами и доверие Каданникова принес Березовскому фиктивный реэкспорт автомобилей, использовавший более низкую по сравнению с внутренней экспортную цену (в силу советской традиции, нужды в валюте и низкого качества). Часть якобы экспортированных машин затем якобы продавалась иностранными покупателями обратно в Россию, по более высоким ценам; валютная разница оседала за границей, которую машины не пересекали.

В отличие от советских «теневиков», зарабатывавших на дефиците и оставшихся с его исчезновением у разбитого корыта, Березовский использовал возможности новой эпохи. Исчезновение дефицита не только не подкосило его бизнес, но и было использовано им для кардинального расширения: чувствуя ветер перемен, он работал «на опережение».

Опираясь на взрывной рост бизнеса, Березовский уже в 1992 году внедрился в новые стратегически значимые сферы: участвовал в создании Международного бизнес-клуба нефтепромышленников, возглавил попечительский совет финансируемой им первой негосударственной премии деятелям искусств «Триумф» (затем она стала вручаться и в науке). Она позволила ему взять под контроль важную для политического лоббирования «творческую интеллигенцию» и расширить с ее помощью круг своих знакомств (так был осмыслен опыт знакомства с Яковлевым через драматурга).

В 1992 году Березовский возглавил совет директоров ставшего финансовым сердцем его империи Объединенного банка (получившего прозвище «Обьебанк»), вошел в Совет по промышленной политике при правительстве России.

В начале 1993 он, опираясь на «ЛогоВАЗ», пытался организовать совместный проект «Куйбышев-нефти» и американской компании по ремонту нефтеоборудования; проект не пошел, но Березовский побывал на инаугурации Клинтона.

В том же году Березовский вошел в формировавшуюся тогда как властный институт «семью» Ельцина – через заместителя главного редактора бывшего флагманом перестройки и забытого после нее журнала «Огонек» Юмашева, организовавшего написание и издание первой книги Ельцина «Исповедь на заданную тему» и ставшего сценаристом предвыборного фильма 1990 года «Борис Ельцин. Портрет на фоне борьбы». Березовский организовал ему финансирование журнала, а тот познакомил его с Ельциным и его дочерью Т.Дьяченко, которой предстояло сыграть ключевую роль в истории России в 1996–2000 годах, а затем выйти замуж за Юмашева (уже уступившего должность руководителя его администрации руководителю погранслужбы генералу Бордюже). Зимой 1993–1994 Березовский был введен в ближайшее окружение Ельцина и стал спонсором его книги «Записки президента», также организованной Юмашевым.

После расстрела Дома Советов, в октябре 1993 года Березовский стал гендиректором и членом совета директоров Автомобильного всероссийского альянса (AVVA). Альянс был учрежден «АвтоВАЗом» (25 % уставного капитала), «ЛогоВАЗом» и контролируемым Березовским швейцарским *Forus*, а также Фондом федерального имущества (по 15 %), «Куйбышев-нефтью» и Объединенным банком (по 10 %), администрацией Самары и контролировавшимся Березовским АвтоВАЗбанком (по 5 %). Проектом управлял Березовский, но даже формально его структуры владели 45 % уставного капитала, что делало его крупнейшим реальным акционером (30 % контролировал «АвтоВАЗ», а государственные 15 % были ближе к сфере влияния либерала и реформатора Березовского, чем «красного директора» Каданникова).

Официальной целью альянса стало строительство автозавода, начавшего бы работу в 1996 году и через 5 лет выпускавшего в год 300 тыс. автомобилей новой модели ВАЗ-1116. Для финансирования были выпущены облигации «АвтоВАЗа» со сроком погашения до конца

1996 года, но главным источником средств была продажа акций AVVA населению и финансовые спекуляции.

Возможно, Березовский вправду хотел построить автозавод и первоначально не планировал обманывать доверивших ему свои деньги (хотя, похоже, он концентрировал их для захвата «АвтоВАЗа»). Но нестабильность, девальвация рубля и падение спроса не дали создать производство. В результате AVVA стал первой в России «финансовой пирамидой», опередив МММ Мавроди.

По данным AVVA, размещение его акций принесло 20 млн. долл. (по другим оценкам, 50 и даже 200 млн.), чего не хватало для строительства автозавода. Но, вероятней, от него отказались потому, что спекуляции и захват чужой собственности были более выгодным и безопасным делом. Официально собранное пошло на малые проекты, включая сборку «жигулей» в Латинской Америке и Египте, выгоды от которых вкладчики, разумеется, не получили.

Березовский умело пользовался доверием «семьи» Ельцина. В конце 1993 года он отдал легендарный уже тогда дом приемов «ЛогоВАЗа» в Москве под штаб гайдаровского блока «Выбор России», – а после выборов Ельцин даровал AVVA налоговые льготы. В декабре 1993 компания Березовского, «АвтоВАЗ» и *General Motors* подписали соглашение о строительстве в Тольятти нового автозавода, – но реализовать его удалось лишь в сентябре 2002 в уже другой по сути стране с другим людям.

Либеральные реформаторы, вскарабкавшиеся во власть, как обезьяна на скользкую мачту, и проводившие уничтожающую страну и людей социально-экономическую политику, не имели значимой опоры. Они пытались создать социальную базу поощрением спекуляций, в частности, массовой раздачей льгот по импорту (не только алкоголя и табака, но и автомобилей) общественным объединениям (среди которых выделялись ветераны войны в Афганистане, общества слепых и глухих, Национальный фонд спорта) и РПЦ. Но политическое мотивирование коррупции лишь усилило разгул криминала.

Борьба за передел едва успевавших складываться сфер влияния быстро стала повсеместной, постоянной и жестокой.

Во второй половине 1993 года активизировались атаки на «ЛогоВАЗ» со стороны бандитских групп, у которых расширение его бизнеса отнимало среду обитания. Сотрудничать с милицией по поводу нападений на свои торговые площадки (включавшие забрасывание их гранатами) «ЛогоВАЗ» отказывался, предпочитая, вероятно, единственно действенные тогда криминальные методы. Напуганный Березовский в ноябре уехал в Израиль и получил его гражданство; тогда же получил в США «грин-кард» – разрешение на постоянное проживание.

В апреле 1994 года по его инициативе для противостояния нелегальным импортерам автомобилей была создана ассоциация авторизованных дилеров, объединившая 21 компанию. Березовский возглавлял ее год, – до начала своей нефтяной эпопеи.

Ожесточение клановой борьбы среди реформаторов требовало институциональной защиты бизнеса, – и 31 мая 1994 года Березовский превратил «ЛогоВАЗ» из единой структуры в холдинг из более 30 фирм, каждой из которых можно было пожертвовать.

Через неделю, 7 июня при въезде его «Мерседеса» во двор дома приемов «ЛогоВАЗа» в припаркованном у ворот «Опеле» была взорвана радиоуправляемая мина. Взрыв был такой силы, что оторванная дверца автомобиля перелетела через дом приемов и упала во двор в нескольких десятках метров. Водитель Березовского погиб, ранения получили он сам (правда, легкие), телохранитель и 8 прохожих. Похоже, покушение было вызвано попыткой Березовского получить деньги по векселям Мосторгбанка на 1 млрд. руб., проданных AVVA мошенниками. (Вероятный организатор, бандит Сильвестр, был убит в октябре.)

Оно имело резонанс: мэр Лужков потребовал расширить полномочия правоохранительных органов, председатель совета директоров «АвтоВАЗа» Каданников обещал 2 млрд. руб. (более 1 млн. долл.) за информацию, которая позволит раскрыть преступление, Российский

союз промышленников и предпринимателей заявил о поддержке любых шагов власти по обеспечению правопорядка.

Березовский превратил несчастье в свой «звездный час», используя его для усиления своего влияния на «семью» Ельцина и на него самого. Вскоре после покушения Березовский приехал в «президентский клуб» в Горках-9 на Рублево-Успенском шоссе. Его партнер Жабоев вспоминает: «Мы разыграли целое представление. Боря специально подгадал, когда в клубе будет Ельцин, и предстал перед ним во всей красе: обожженный, забинтованный, с повязкой на глазу». Сочувствие Ельцина, хоть он никогда не любил Березовского и разговаривал с ним сквозь зубы, окончательно распахнуло перед ним двери кабинетов власти.

Очень наглядно изображал Березовского того времени управделами президента П.П. Бородин. «Он по-заячьи прижимал к подбородку сжатые лапки, как бы подразумевая портфель, мелко и подобоострастно тряс головой, без остановки бормоча: "Спасибо, спасибо, спасибо"».

В июле Березовский впервые попал в рейтинг наиболее влиятельных российских бизнесменов, с ходу заняв в нем 13 место.

Вышей точкой его участия в автобизнесе стало вхождение в августе 1994 года в совет директоров «АвтоВАЗа», что знаменовало установление им и Каданниковым полного контроля за приносящим колоссальные деньги автогигантом. Похоже, на чековых аукционах и вне их большинство акций «АвтоВАЗа» скупил фирмы, контролируемые его топ-менеджерами, в первую очередь Каданниковым, в том числе «ЛогоВАЗ» и AVVA: тогда это была обычная схема. Но, несмотря на активность Березовского, реальный контроль за «АвтоВАЗом» Каданников обеспечил себе, и попытка захвата завода (если она имела место) потерпела неудачу.

Осенью 1994 года биография Березовского в числе 86 наиболее влиятельных бизнесменов была опубликована в роскошном справочнике «Возрожденная элита российского бизнеса». Около 20 чел. отказалось от публикации из страха привлечь внимание бандитов, – но тщеславие Березовского преодолеvalo страх. *(Вероятно, по этой же причине он один из всех российских олигархов признал в 1996, что оценка Forbes его состояния, – тогда в 1 млрд, долл., – близка к реальности. Еще когда о нем была опубликована первая короткая заметка в только становящемся «на крыло» «Коммерсанте», он весь день не мог отвести глаз от нее и даже поручил купить в офис два десятка экземпляров газеты.)*

В том же 1994 Березовский крестился и стал православным.

## **Захват «первой кнопки»: создание медиаимперии**

В 1994 году он осознал важность информационной войны и могущество телевидения как ее инструмента; возможно, повлиял пример бывшего театрального режиссера и фарцовщика Гусинского.

По ряду сообщений, в 1994–1995 Березовский вместе с главой концерна «Олби» и гремевшим тогда банком «Национальный кредит» вел кампанию против мэра Москвы Лужкова и связанных с ним коммерческих структур, включая группу «Мост» Гусинского.

Это требовало оружия, сравнимого с «Гусинским» НТВ с его невиданным тогда, завоевывающим качеством. И в 1994 году Березовский инициировал создание Общественного российского телевидения (тогда называвшегося не «ОРТ», а «ОРТВ»). 51 % акций остался у государства, 49 % поделили четыре крупных банка, а управлял Березовский, ставший в декабре 1994 первым зампредом совета директоров. Правда, сначала его интересовало управление деньгами.



К тому времени дом приемов «ЛогоВАЗа» посещали не только Чубайс, Потанин, бывший вице-премьер правительств Гайдара и Черномырдина и первый спикер Совета Федерации Шумейко, но и жена Ельцина Наи́на.

В марте 1995 года Березовский был заподозрен в потрясшем страну убийстве гендиректора ОРТВ, популярного телеведущего Листьева. Тот, пытаясь взять под контроль рынок теле-рекламы, на неделю удалил ее из эфира канала, нанеся ущерб деятелям сверхприбыльного рынка.

После вызова Березовского на допрос и столкновения пришедших с обыском милиционеров с охранявшими его офис сотрудниками Федеральной службы контрразведки (ныне ФСБ) были уволены начальник милиции и прокурор Москвы. В ночь с 3 на 4 марта Березовский и президент телекомпании РЕН-ТВ Ирена Лесневская (телекомпания была названа в ее честь – по средним буквам имени) в кабинете начальника службы безопасности президента России всеильного тогда Коржакова записали на видеокамеру обращение к Ельцину, в котором опровергли свою причастность к убийству Листьева и обвинили в нем Гусинского. Тот был не только их конкурентом, но и личным врагом Коржакова.

По ряду оценок, весной 1995 года Березовский стал управлять финансами новой «партии власти» – созданного премьером Черномырдиным под выборы-1995 «Наш дом – Россия».

Осенью по его указанию с ОРТ были сняты программы «Встречи с Солженицыным» и «Версии» Доренко, не соответствовавшие задачам власти на выборах.

В рамках подготовки к ним Объединенный банк с 1995 спонсировал возобновление «Независимой газеты» и журнал «Огонек». Для покупки интеллигенции Березовский выделил 1,5 млн. долл. на поездки российских ученых на международные конференции в 1996 году.

## Создание бизнес-империи

Когда крах AVVA и сохранение контроля за «АвтоВАЗом» в руках его руководства стали очевидными, Березовский не стал возвращать «АвтоВАЗу» долги «ЛогоВАЗа» (оценивавшиеся в 165 млрд. руб. – примерно 50 млн. тогдашних долларов). С июля 1995 года «АвтоВАЗ» прекратил реализацию машин через него, а Каданников заявил о прекращении партнерства. Но Березовский уже вышел на новый уровень, используя автобизнес как разгонный блок ракетносителя.

Еще до расставания с «АвтоВАЗом» он ухватился за идею залоговых аукционов, передававших крупным бизнесменам наиболее лакомые куски экономики в обмен на поддержку Ельцина и создававших этим олигархический режим. Государство передавало доверенным коммерсантам лучшие предприятия по заниженным ценам в кредит: любой президент, кроме Ельцина, вернул бы кредит и забрал потенциально сверхприбыльные (пусть и истощенные бандинским контролем) предприятия обратно. Риск бизнесменов сводился к минимуму тем, что они часто кредитовали государство его же деньгами, размещенными в их банках.

Березовский нацелился на нефтяную промышленность; его партнером стал 29-летний нефтетрейдер Абрамович. Зная специфику отрасли, он организовывал проект, а Березовский продвигал его в администрации Ельцина. Забавно, что он убедил Коржакова передать ему «Сибнефть» необходимостью спасти ОРТ от финансового краха.

В августе 1995 года указом Ельцина ряд нефтяных предприятий России был объединен в добывавшую 6 % нефти страны «Сибирскую нефтяную компанию» («Сибнефть»), 6-ю в России и 20-ю в мире (противник ее создания, директор Омского НПЗ, умер от сердечного приступа при купании в Иртыше за 5 дней до ее учреждения).

Березовский, по-видимому, помог Коржакову победить его политического противника – и.о. генпрокурора Ильюшенко, – добыв компромат на зятя Ильюшенко Янчева, своего давнего знакомого, бывшего независимым от Березовского дилером «АвтоВАЗа», а затем сконцентри-

ровавшего в своем «Балкар-Трейдinге» экспорт четверти российской нефти. Янчев нацелился на приватизацию «Сибнефти», но был арестован через месяц после ее учреждения и за три месяца до залогового аукциона, а его бизнес, по оценкам, достался структурам Березовского.

На залоговом аукционе в декабре 1995 года государство передало 51 % акций «Сибнефти» «Столичному банку сбережений» Смоленского и «Нефтяной финансовой компании» Березовского и Абрамовича, гарантом которых был «Менатеп», за 100,3 млн. долл. при стартовой цене 100 млн., заниженной, по оценкам, в 25 раз. Их «конкурент» – консорциум того же «Менатепа» и ЗАО «Тонус», гарантом которых был тот же «Столичный банк сбережений», – не поднимал цену. Заявку попытавшегося было вмешаться в согласованный раздел активов «Инкомбанка» просто не приняли во внимание.

Абрамович занимался в «Сибнефти» стратегическим планированием, Березовским – лоббированием во властных структурах, Смоленский – в финансовых.

В конце 1995 года Березовский сыграл ключевую роль в смене руководства «Аэрофлота»: его возглавил полностью управляемый им маршал Шапошников, бывший после провала ГКЧП последним, «ликвидационным» Министром обороны СССР. В «Аэрофлоте» его первым заместителем по коммерческим вопросам стал давний партнер Березовского Жабоев, а после его болезни Глушков; Березовский заявил о намерении приватизировать крупнейшего российского и одного из лучших мировых авиаперевозчиков.

## **Политическая власть: прорыв и провал**

После поражения «партии власти» на парламентских выборах в декабре 1995 года угроза поражения Ельцина с его рейтингов 3–6 % стала очевидной. Это означало крах сложившейся модели грабежа страны и утрату огромной собственности.

Страх этого заставил Березовского помириться с Гусинским (на Давосском форуме 1996 года). Он распространял слухи, что это он на этом форуме привлек Чубайса к объединению с новоявленными олигархами для сохранения Ельцина у власти, но тот действовал самостоятельно, а Березовский был лишь одним из олигархов, чьей поддержки он добился.

В «президентском клубе» было достигнуто соглашение о прекращении борьбы между олигархами и объединении сил для сохранения Ельцина, а также создан параллельный предвыборный штаб. Вместо Коржакова, директора ФСБ Барсукова и первого вице-премьера Сосковца (пошедших после первого тура выборов «ва-банк» в скандале с выносом наличных долларов из Дома правительства и изгнанных благодаря отчаянной реакции Чубайса при поддержке Лебеда) его возглавили Чубайс и Т. Дьяченко; важную роль как премьер играл и Черномырдин.

Официальные встречи проходили в «Президент-отеле», где он якобы размещался (наравне с работавшими там американскими кураторами ельцинской кампании, среди которых, по ряду сообщений, заметную роль играл будущий посол США в России Макфол). Но главное помещение штаба, в котором и шла работа, находилось в «ЛогоВАЗе». Это позволило Березовскому извлечь из сохранения Ельцина у власти наибольшую выгоду.

К тому времени он уже перестал соблюдать даже видимость приличий, наглядно и открыто демонстрируя свои убеждения в абсолютном всемогуществе денег. В интервью *Financial Times* он с гордостью заявил, что семь банкиров, финансирующих кампанию Ельцина, контролируют более половины экономики страны, что, по его мнению, гарантировало победу.

Это заявление породило эффективно разоблачающий власть и олигархов термин «семи-банкирщина», – и впервые вызвало у них серьезное раздражение Березовским, своим наглым и бессмысленным хвастовством создающим проблемы для всех.

В конце апреля 1996 года Березовский подписал инициированное им (наряду с Ходорковским и Смоленским) обращение 13 олигархов и крупных директоров «Выйти из тупика!»

с призывом к Ельцину и Зюганову достичь компромисса ради стабильности. Но ни они, ни общество не были готовы к компромиссам; окружение Ельцина восприняло этот шаг как испуг бизнеса на грани предательства, окружение Зюганова – как готовность к капитуляции. Поэтому письмо «повисло в воздухе» и не вызвало никакой реакции. Ситуацию усугубил Коржаков (18 марта не разогнавший Госдуму для сохранения Ельцина только из-за жесткой позиции руководства МВД во главе с А.С. Куликовым), предложивший перенести выборы. Это заявление, хоть и дезавуированное Ельциным, было расценено как признак его слабости, и воодушевило сторонников Зюганова.

Постепенно финансировавшие выборы Ельцина олигархи благодаря усилиям штабов начинали верить в возможность его победы и убеждались в нежелании Зюганова идти на компромисс (тогда от него, сочтя его предателем, отвернулись бы партия и значительная часть общества).

В результате в начале июня те же олигархи подписали противоположное по смыслу открытое письмо, выразившее неприятие Зюганова и поддержку Ельцину. Его инициаторами были Потанин и ранее поддерживавший Зюганова Ходорковский; Березовскому пришлось присоединиться.

Видя провал идеи компромисса, он загодя стал одним из инициаторов «стратегического соглашения» между Ельциным и Лебедем. Заняв в первом туре третье место с 14,5 % голосов (это спасло Ельцина, так как голоса были оттянуты у Зюганова), Лебедь перед вторым туром поддержал Ельцина в обмен на пост секретаря Совета безопасности «с особыми полномочиями» и помощника президента по национальной безопасности. Кроме того, что не могло быть предусмотрено соглашением, он поддержал Чубайса против Коржакова, Барсукова и Сосковца, обеспечив их низвержение. В результате, находясь под контролем Березовского, он заручился поддержкой и Чубайса.

Ельцин не мог управлять страной. Некоторые члены его окружения после его инаугурации уверовали в бога, так как не могли объяснить сохранение Ельцина в сознании до ее завершения ничем, кроме своей иступленной молитвы «только не упади!»

Березовский сделал ставку на Лебеда: после изгнания своей опоры – Коржакова – ему пришлось делить свое влияние на «семью» с крепнущей группировкой Чубайса, а Лебедь был едва ли не его исключительной «собственностью». Именно давними тесными связями Березовского с чеченской преступностью и его возможностью давления на военное руководство можно объяснить успех нападения боевиков на Грозный в начале августа 1996 года, по итогам которого Лебедь подписал Хасавюртское соглашение (на полутора страницах с фактическим признанием независимости Чечни) и, как тогда казалось, закончил мучительную чеченскую войну.

Готовя Хасавюртский мир, Березовский как представитель федерального центра сначала посетил Масхадова и лишь потом заехал к российскому командующему Пуликовскому, заявив ему при офицерах: «Ты, генерал, можешь считать все, что угодно. Твоя задача: молчать... и выполнять то, что тебе мы с Лебедем говорим». Иначе «я тебя, генерал... вместе со всей вашей дохлой группировкой сейчас куплю и перепродам! Понял, чего стоят твои обещания?..»

Лебедь был опьянен популярностью и властью. Не понимая устройства государства, он попытался перетянуть на себя рычаги управления. Решив опереться на военную силу, он, по воспоминаниям чиновников, стал обзванивать по спецсвязи командиров крупных воинских частей, требуя выбрать между поддержкой его или недееспособного Ельцина. Забавно, что, когда на следующий день перед его темно-синим «пятисотым мерседесом» не открылись ворота Старой площади, он просто не понял, что произошло. Официально Лебедь был отправлен в отставку после обвинения Министром внутренних дел А.С. Куликовым в подготовке госпереворота.

Совет безопасности возглавил первый спикер Госдумы, избранной после расстрела Верховного Совета, бесцветный Рыбкин. Березовский стал его заместителем, компенсировав утрату перспективного Лебеда личным вхождением во власть.

Сорвать это назначение заявлением свежешушенного Коржакова о том, что Березовский уговаривал его убить Гусинского, Лужкова, Кобзона и Лисовского, не удалось, – хотя, в отличие от других, эта публикация не опровергалась Березовским. Публикации о его израильском гражданстве вынудили Березовского отказаться от него, разорвав связи с официально не прощающим такого Израилем.

Березовский эффективно использовал возможности, открывшиеся перед ним благодаря официальному статусу, взяв на себя отношения с Чечней.

По ряду оценок, он наладил спонсирование боевиков под видом выкупа заложников, способствовал превращению их захвата в массовый бизнес. По воспоминаниям военнослужащих, входивших в Чечню в ходе второй войны, южнее Терека ямы для содержания русских рабов-заложников находили во всех дворах, где их искали. Березовскому этот процесс приносил деньги, влияние и репутацию миротворца.

Первыми освобожденными стали 22 омовца, захваченные Радиевым в Дагестане в середине декабря 1996 года: через несколько дней они были выпущены в обмен на 11 чеченских преступников, позже амнистированных «задним числом».

Березовский показал чеченцам, что может опереться не только на деньги и государство, но и на противостоящих им казаков. В январе 1997 на Чрезвычайном совете казачьих атаманов юга России в Ставропольском крае он переломил враждебность к себе, поддержав обреченное на игнорирование государством требование вооружения казачьих формирований на прилегающих к Чечне территориях.

В феврале он стал одним из руководителей операции по освобождению двух корреспондентов ОРТ, захваченных чеченскими боевиками в декабре 1996 года. Сначала об освобождении пытался договориться Лебедь, но Березовскому не были нужны конкуренты: похоже, он заплатил бандитам, чтобы те не отдавали их Лебедю, позволив нажить на них политический капитал самому Березовскому.

Его заявление, что деньги на выкуп были предоставлены его бывшим врагом Гусинским, отодвинутым им от «залоговых аукционов», знаменовало объединение их сил и создание нового олигархического альянса перед новым витком приватизации.

Но тут между ним и «семьей», бывшей источником его власти и богатства, пробежала первая «черная кошка». Когда Т. Дьяченко приехала к нижегородскому губернатору Немцову сообщить, что Ельцин назначает его первым вице-премьером и видит своим преемником, она узнала, что у того только что побывал Березовский, объявивший, что Немцов обязан своим назначением именно ему. Это вызвало ярость у ранее души не чаявшей в Березовском «Тане» и привело Немцова в клан Чубайса: выбрать «хозяином» Березовского после такого было невозможно.

В начале марта 1997 года Ельцин назначил Березовского членом федеральной комиссии по проблемам Чечни; в мае Березовский стал одним из инициаторов подписания мирного договора между Россией и «Чеченской республикой Ичкерия», совершив вместе с Рыбкиным ряд поездок в Чечню на встречи с ее вождями.

Березовский отвергал обвинения в сотрудничестве с чеченскими бандитами, но в 1997 всерьез намеревался организовать свое выдвижение на Нобелевскую премию мира за деятельность в Чечне.

Он освобождал из плена захваченных боевиками солдат уже через 2–3 дня, а то и на следующие сутки, что было невозможно без предварительного сговора. При этом, насколько можно судить, он, как правило, платил за заложников деньги федерального бюджета, получаемые им на эти цели благодаря служебному положению.

Наиболее известными заложниками, освобожденными им, стали корреспондент НТВ Елена Масюк (в августе 1997 года), захваченная, похоже, из-за недостаточно добросовестной отработки НТВ денег, которые чеченские бандиты платили Гусинскому за информационную войну против России, и полпред президента России Власов (в ноябре 1998 года, объявленный выкуп – 6 млн. долл.).

Рамзан Кадыров говорил, что только сам Березовский передал боевикам за заложников около 30 млн. долл., но в рамках созданного им бизнеса на крови огромные суммы собирались и выплачивались боевикам помимо него, – семьями и фирмами несчастных, захватывавшихся «борцами за свободу Чечни» по всей России.

Но главные, и при этом централизованные деньги приносил бандитам международный аэропорт Грозного, через который в иные дни проходило до 60 самолетов. Вероятно, наибольшую прибыль приносила наркоторговля; по высказывавшимся в госаппарате предположениям, Березовский был вместе с террористами совладельцем крупной лаборатории по производству героина, полуфабрикат для которой доставлялся авиарейсами.

«Отработав» чеченскую тему, Березовский вновь сконцентрировался на коммерческой сфере. Рутинное разграбление бюджета «пирамидой ГКО» и финансовыми спекуляциями в качестве награды сохранившим Ельцина у власти олигархам было нарушено появлением нового приза. Нехватка денег в выдаваемом бюджете (в 1997 году был объявлен его секвестр) стала для реформаторов поводом продать «Связьинвест» – телекоммуникационного монополиста. Сначала продавался лишь блокирующий пакет: формально для сохранения контроля государства, а реально, похоже, для экономии средств олигархов.

Перед аукционом Березовский организовал встречу претендовавших на «Связьинвест» своего партнера Гусинского, его конкурента Потанина (только что, 17 марта 1997 года покинувшего кабинет первого вице-премьера напротив кабинета Чубайса) и оставшегося первым вице-премьером Чубайса. Похоже, стороны договорились, чтобы не «получивший свое» на залоговых аукционах Гусинский забрал «Связьинвест» себе, а Потанин выступил статистом, придающим аукциону легитимность.

Но Березовский не понимал, что вместе с Гусинским объективно, вне зависимости от своего желания и поведения, просто в силу масштабов своей деятельности уже стал конкурентом Чубайса.

Он все еще мыслил категориями 1995–1996 годов, когда олигархи новой волны вместе затаскивали во власть терявшего популярность вместе с адекватностью Ельцина, на залоговых аукционах вместе делили лучшие части советского наследства, выхватывая их из зубов «красных директоров», а потом вместе грабили бюджет.

Березовский не заметил, как изменились времена. Рост масштабов требовал структурирования олигархата, и управлять Ельциным и «семьей» мог лишь один его представитель: с искоренением олигархией ее врагов для двоих больше не было места. Чубайс, опираясь на Запад, который один мог обеспечить Ельцину и его окружению (как и самим олигархам) безопасное и комфортное будущее, был заведомо сильнее Березовского, использовавшего личные связи, бандитов и медиасферу. Поэтому уверенному в поддержке Чубайса Потанину не было нужды уступать стратегически более слабому противнику. Березовский же, ослепленный своим величием, красотой своих схем и стремительностью карьеры, не видел своей относительной слабости.

Более того: он не видел, что с завоеванием олигархами всей полноты власти хилая предпринимательская солидарность сменилась внутренней конкуренцией, и люди, доказавшие свою договороспособность и стремление следовать «понятиям», объективно превращаются в «кидал-беспредельщиков». Его стремление договориться перестало быть адекватным ситуации.

Аукцион 25 июля 1997 года Березовский и Гусинский проиграли с треском: представители Потанина, нарушив договоренность, перебили цену Гусинского, – а Чубайс утвердил итоги торгов. Возможно, он даже не вступал с Потаниным в сговор, а тот нарушил договоренность по своей инициативе, зная мотивацию Чубайса и будучи уверенным в его реакции. Но, вероятней, это был сознательный удар по конкуренту, в долгосрочном отношении смертельный: смирение Березовского означало бы его подчинение Чубайсу, а борьба – поражение.

Внешне позиция Чубайса была беспроигрышной: «Кто больше заплатил, тот и стал владельцем». Это была внятная демонстрация приоритета ценностей «команды молодых реформаторов» над договоренностями и отказ от закулисных сговоров «старого времени» в пользу новых, прогрессивных западных ценностей.

Березовский впал в истерику и публично, дискредитируя себя, обвинил Чубайса в лоббировании Потанина и возрождении практики келейной подготовки и подписания указов у президента. Будучи мелким человеком, он не понял стратегической мотивации противников и, судя о других по себе, решил, что все дело в личной жажде наживы.

Ошибочное объяснение привело к ошибочной реакции, – но она была красивой и имела грандиозные последствия.

Достоянием общества стала масштабная информационная война Гусинского и Березовского против «команды молодых реформаторов», за считанные месяцы дискредитировавшей ее и убравшей ее ядро во главе с Чубайсом в скандальном «деле писателей». Ее эффективность была высока не только из-за объединения наиболее мощных телеканалов, – ОРТ и НТВ (не говоря о других медиа Березовского и Гусинского, например, «Эхо Москвы»), – но и в силу уязвимости впавших в морализаторство реформаторов. Ведь мораль служит лишь честным людям; для воров и лжецов она легко оборачивается бумерангом.

Менее известным результатом возмездия за «Связьинвест» стал срыв приватизации «Газпрома». Олигархи обоих кланов нацелились на этот потрясающий политический и коммерческий ресурс после «Связьинвеста». У контролировавших «Газпром» топ-менеджеров во главе с Вяхиревым, даже при поддержке Черномырдина, не было шансов против совместной атаки олигархата.

Но его раскол в ходе захвата «Связьинвеста» и жестокая междоусобица изменили ситуацию, позволив топ-менеджменту «Газпрома» избежать приватизации виртуозным срамливанием представителей враждующих кланов, которым быстро стало не до «Газпрома».

Ни Березовский, ни тем более Чубайс, похоже, так и не поняли, что конфликт между ними искусно раздувался и направлялся презируемыми ими «производственниками» газового гиганта.

Но месть нерентабельна.

Проредив «команду молодых реформаторов», Березовский выпал из привычного закулисья на авансцену политики. Забыв об осторожности, он дискредитировал не только себя и своих противников, но и власть как таковую, сделав себя ее политической проблемой.

В результате в начале декабря он был снят с поста заместителя секретаря Совета безопасности и был вынужден приютиться советником руководителя администрации президента Юмашева, через которого несколько лет назад втерся в «семью».

Тут Березовский вернулся к использованию потенциала Лебеда, направив его в Красноярский край. Лебедь был триумфально избран губернатором в середине мая 1998 года, но его должность стала не новым стартом, а бесполезной для Березовского пенсией.

Накануне майских праздников Березовский по представлению президента Украины Кучмы (что позволило соблюсти приличия и не представлять его назначение как результат иступленного лоббирования себя в окружении Ельцина) стал исполнительным секретарем СНГ. Этот ранг делал его высокопоставленным международным чиновником и ставил почти

вровень с главами государств. Но реализовать новые возможности ему не удалось: значимые проявления его успешной активности в это время не известны.

## **Конец ознакомительного фрагмента.**

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.